

ЮЛИЯ КОВАЛЬКОВА

3 @ Аватар

Селфи @

4

Юлия Ковалькова
@ Аватар/@Селфи

«Издательские решения»

Ковалькова Ю.

@ Аватар/@Селфи / Ю. Ковалькова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745308-4

«@Аватар» и «@Селфи» — заключительные книги романа «МАРКЕТОЛОГ@». Книга «@Аватар» посвящена истории последнего и самого таинственного из главных героев. Сюжет этой части переместится в Пакистан, где сосредоточена штаб-квартира одной из крупнейших террористических группировок в мире. В книге «@Селфи» действие переместится в Лондон и Москву, где произойдёт развязка романа.

ISBN 978-5-44-745308-4

© Ковалькова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть 3. Аватар	6
Глава 7. День седьмой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

@ Аватар/@Селфи

Юлия Ковалькова

© Юлия Ковалькова, 2018

ISBN 978-5-4474-5308-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 3. Аватар

«Поиск людей не имеет срока давности, и исчезнувшего будут искать, пока не найдут – живым или мёртвым».

(Сергей Рикардо,

«Литературный дневник», 2013)

Глава 7. День седьмой

(От Автора: нумерация глав начинается с первой части романа «Маркетолог@», которая называется «Социальные сети»).

@

6 февраля 2015 года, пятница, днём.

Рамлех, Александрия.

Египет.

Изящный, выше среднего роста Саба Лейс аль-Рамадан Эль-Каед всегда поражал служащих пограничного контроля аэропортов «Heathrow» и «Burj Al Arab» двумя вещами. Во-первых, тем, что выглядел он всего на двадцать пять лет, хотя согласно двум его паспортам – пятидесяти двухстраничному, с зелёной корочкой, которым обладают все урождённые граждане Египта, а также красному паспорту подданного Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии – Лейсу было тридцать два года. Во-вторых, тем, что у него, араба по отцу, была внешность коренного европейца: тонкая, словно вытянутая к небу, фигура, светло-русые волосы, высокие скулы и тот насыщенный цвет глаз, который присущ только северным народам. Единственное, что сближало Лейса с мужчинами Ближнего Востока, это характерные для жителей Египта длинные, густые, угольно-чёрные ресницы, из-за которых контур глаз кажется обведённым сурьмой или, как говорят египтянки, «мастимом».

Успешно преодолев паспортный контроль «Heathrow», Лейс постарался быстро раствориться в толпе: он не любил повышенного внимания к своей скромной персоне. Но если с вежливым интересом мужчин, которые уже через секунду забывали о нем, Лейс был готов мириться, то любопытство женщин-служащих Лейс от всей души ненавидел. Женщины всегда мучительно долго всматривались в его паспорт и в его лицо и улыбались смущённо и зазывно. Что ж, женщины с их интуицией и вечным желанием докопаться до сути вещей, были правы: у Лейса было, что скрывать.

У Саба Лейса Эль-Каеда было две жизни. В одной из них, явной, Лейс был примерным гражданином двух приютивших его стран – Великобритании и Египта. Именно так воспринимали его Министерство по делам гражданства, иммиграции и регистрации физических лиц Египта и Министерство внутренних дел «Identity and Passport Service» Великобритании – страны, где Лейс теперь жил. Свое английское гражданство Лейс получил несколько лет назад, воспользовавшись программой профессиональной иммиграции как будущий PhD в области генетики в Оксфордском университете. Конгрегации этого высокого учебного заведения импортировали изобретательность и неизменная результативность их молодого учёного. Мужчины – коллеги Лейса ценили его независимость, рациональный взгляд на жизнь и то, что с ним можно было отправиться в Хургаду и Дахаб, египетские резиденции виндсерферов с 2007 года. Там у Лейса можно было поучиться скорости и идеально отточенным трюкам на шортборде, от элементарного «боттом тёрн» до сложнейшей «трубы».

Что касается другой, тайной, скрытой жизни Лейса, то будущий PhD и благополучный гражданин двух стран, Саба Лейс Эль-Каед, был воспитанником «Лашкар-и Тайбу» – крупнейшей пакистанской террористической группировки. Благодаря урокам своих «попечителей» Лейс уже в тринадцать лет смог убить человека. Та, тайная жизнь, оставила Лейсу на память несмываемый подарок: гладкая, как золотистый шёлк, кожа Лейса на спине была сварена в один розовый рубец. Но там, где смыкались лопатки Лейса, дело обстояло еще хуже. Там со знанием дела была идеально выжжена арабская цифра «семь». На урду, лингва-франка Пакистана, «семь» отекается резко, как боевой клич: Сахт. Зато по-арабски «семь» звучит куда мелодичнее и произносится «саба»...

@

**1980-е – 2010 годы, за тридцать лет
до описываемых событий.
Александрия, Египет.
Лахор – Карачи, Пакистан.
Оксфорд – Лондон, Великобритания.**

У мальчика, появившегося на свет седьмого ноября 1982 года, глаза были синими, как лазурь. Запелёнатый в белую алию, он лежал на руках у сероглазой женщины. Малыш уже узнает свою мать и улыбается ей. Мать прижимает сына к себе и тихо его баюкает. Ребёнок не понимает речь женщины, но слышит в её голосе любовь.

– Мама! – в первый раз в жизни произнёс мальчик. Но прекрасное лицо его матери стало расплываться, уходя от мальчика в темноту. Больше мальчик её не увидит.

Прошло два года. У мальчика всё тот же ясный взгляд живых синих глаз. Малыш с любопытством разглядывает двух похожих друг на друга мужчин с янтарными глазами. Мужчины только что закончили спорить. Младшего из спорщиков зовут Рамзи Эль-Каед, и ему всего двадцать четыре. Тот, кто постарше – тридцатилетний брат Мив-Шер, Рамадан, сдержанный, властный, спокойный.

– Рамадан, куда ты едешь? Ты можешь хотя бы это мне сказать? – недовольно интересуется Рамзи.

– Сначала в Афганистан, в Баграм. – Рамадан быстро складывал вещи в дорожную сумку. – Я должен найти Карен Кхан прежде, чем она вернётся и разыщет этого мальчика. – Рамадан недовольно покосился на малыша, которого держал на руках Рамзи. Рамзи подумал, и его лицо просветлело:

– То есть ты не собираешься возвращать этого ребёнка Симбаду?

От неожиданности вопроса Рамадан на мгновение замер.

– С чего ты это взял, Рамзи? – в конце концов пришёл в себя он. – Конечно же, я верну этого ребёнка. Зачем мне этот мальчик?

– То есть как это «зачем»? – поразился Рамзи. – Да ты только посмотри, какие глаза у этого малыша. Это же глаза старшей ветви нашего рода. Последним обладателем вот таких синих глаз был пропавший много лет назад Лейс Эль-Файюм. Это из-за него мы стали ставить детям татуировку, чтобы даже по прошествии лет разыскать их. А раз так, то и этот мальчик...

– Рамзи, не начинай, – недовольно окликнул юного родственника Рамадан, но Рамзи был слишком увлечён своей мыслью:

– Рамадан, ну послушай ты меня. Ведь этот мальчик – законный наследник рода, – веско произнёс Рамзи и попытался заглянуть Рамадану в лицо. – Ни Дани и не ты, а именно этот мальчик... Он – наш маленький Лейс! – храбро заключил Рамзи и непримиримо добавил: – Так что я не отдам малыша никакому Симбаду.

– Эй, Рамзи! Ну-ка, притормози.

– Почему?

– Потому, что даже если этот мальчик – законный наследник всего царства египетского, – ехидно усмехнулся Рамадан, – то для тебя и для меня это ничего не решает. Так что не поднимай лишнего шума. Сейчас я должен уехать, но как только я вернусь, то я – повторяю тебе в последний раз – я отвезу этого мальчика Симбаду.

– А если ты не вернёшься? – огрызнулся Рамзи.

– Ну, в таком случае ты отвезешь мальчика в монастырь и передашь его абуне¹ Марку. – Рамадан пожал плечами. – Абуна знает, как разыскать Симбада.

– А может быть...? – в третий раз начал спор Рамзи, но Рамадан перебил его:

– Рамзи, я своих решений не меняю. И это – всё.

– Ладно, брат, я тебя понял, – неохотно согласился Рамзи и прижал мальчика к груди. Малыш весело пискнул.

– Ох, Лейс, ну ты и тяжёлый. И так вырос. – Рамзи добродушно фыркнул и подкинул ребенка выше. В ответ мальчик залился весёлым, залиvistым смехом. Рамадан скептически посмотрел на этих двоих, искренне довольных друг другом. Потом красноречиво закатил глаза, взял тяжёлую сумку и быстро пошёл к выходу. В это время синеглазый малыш примерился и метко ткнул Рамзи кулачком в нос.

– Эй, осторожней, маленький Лейс, а то ты меня убьешь, – возмутился Рамзи шутливо. Рамадан, уже взявшийся за ручки входной двери, моментально развернулся:

– Кстати, Рамзи... Ты знаешь, что этот мальчик родился в день sab'a месяца nofambar?

– Знаю. Ну и что из этого? – Рамзи недоуменно воззрился на брата.

– А то. Саба – по-арабски «семь». Счастлиное число для тех, кто уходит один, и несчастливое для тех, с кем мальчику суждено расстаться. Не привыкай к этому малышу, ни к чему хорошему это не приведёт. И никогда больше не называй его Лейсом.

– А как же мне его тогда называть? – опешил Рамзи.

– А как хочешь, – Рамадан равнодушно пожал плечами. – Лично я – чтобы помнить, что он уйдёт – зову этого мальчика Саба.

В ноябре 1986 года Саба исполнилось ровно четыре года. Праздник в честь дня его рождения удался на славу. Сначала Рамзи отвёз мальчика в монастырь, находившийся в двухстах километрах от Каира. Попробовав сладкие пироги – хегазею, фытыр, балах эль-шам и залабию – малыш отправился к фонтану помыть липкие пальцы и, недолго думая, окунулся в фонтан с головой. Когда до смерти перепуганный Рамзи выловил мальчика из фонтана, Саба попросил прощение, после чего бултыхнулся в фонтан снова, и звонко хохоча, уселся в центр цветника с бугенвиллиями. Следующим пунктом программы была гонка на велосипедах с такими же сорванцами, как и он.

Сейчас за детьми семьи Эль-Каед, оглашающими радостными воплями когда-то тихий монастырский сад, с улыбкой наблюдают двое. Один – пожилой игумен монастыря, седобородый абуна Марк. Второй – уже известный нам Рамзи. Рамзи нарушил молчание первым.

– *Аби*, Рамадан пропал три дня назад, – неохотно признался Рамзи. – От него нет никаких известий, но я знаю, что отправной точкой поиска Карен для Рамадана был Баграм. Завтра я туда и отправлюсь. А тебя я попрошу на время моего отсутствия оставить Саба у себя.

– Но я должен был отдать малыша Симбаду, – тихо возразил старик. Рамзи покачал головой:

¹ Абуна (от арабск. «отец наш») – традиционное обращение к священникам, монахам и архиереям в Сирийской, Коптской и Эфиопской православных Церквях.

– Отец, я тебя умоляю не делать этого. Потому что этому мальчику лучше остаться здесь, где он нужен, где его любят, а не быть высланным туда, где его давно не помнят и не ждут.

Старик подумал и согласно кивнул:

– Хорошо, сын. Может, Рамадан и не простит мне нарушенного мной слова, но я сделаю так, как хочешь ты. По крайней мере, подождём возвращения Рамадана, а до этого времени я присмотрю за мальчиком. А ты, – и старик вздохнул, – исполняй свой долг с чистым сердцем. Поезжай за Рамаданом, только я тебя очень прошу: возвращайся обратно скорей. Моя душа неспокойна, когда ты не рядом. – Старик обнял Рамзи: – Счастливой дороги, мой младший сын.

– Спасибо, аби, папа... Живи долго, abuна.

Пожелание не сбылось: двадцать пятого апреля 1987 года коптский монастырь, в котором Рамзи оставил Саба, был разрушен взрывом. Отец Рамзи – абуна Марк, был убит выстрелом в затылок. Впрочем, смерть стала избавлением для старика: перед тем, как умереть, несчастный отец должен был видеть, как пакистанские боевики казнят трёх старших его сыновей, перерезая им горло. Приехавшая на место казни полиция распутала преступление по горячим следам. Казнь игумена и трёх его пресвитеров, как и монастырь, разрушенный мощным взрывом – как и дети семьи Эль-Каед, умершие под завалом – всё было приписано исламистам. Жандармы только одного не знали: боевиками руководила голубоглазая женщина по имени Карен Кхан. И Карен был очень нужен маленький Саба.

Через две недели после похищения четырёхлетний малыш оказался в Пакистане, недалеко от Лахора. Там располагался один из многочисленных лагерей пакистанских боевиков. Теперь маленький Саба сидел на земле в компании подростков десяти – двенадцати лет. Грязные, оборванные, запуганные, все дети источали один смрад – запах ужаса и настоящего страха. Ничего удивительного: у этих подростков было прошлое, одно на всех. Захватившие их поселения боевики сначала отделили детей от взрослых, после чего разрешили подросткам сделать свой выбор: наблюдать, как умрут все их близкие – или же спасти большую часть из них при условии, что ребёнок сам возьмет в руки оружие и убьёт мать, брата, сестру или отца. Расчёт террористов строился на том, что ребенок, поневоле ставший палачом, уже никогда не сможет вернуться в свой дом. Раскаяние за содеянное должно было вселять в души детей чувство вины, а искусственно взращённая ненависть детей к родным, не сумевшим их защитить, делало из детей подходящий материал для истишхада².

Прошедших первое испытание подростков переправляли в тренировочные лагеря, принадлежащие двум террористическим организациям – международной «Марказ дава уль иршад» и пакистанской «Лашкар-и Тайба». Обе группировки были сходны в одном: попадая в них, дети поступали под присмотр не взрослых, а своих же сверстников, уже прошедших соответствующее обучение у боевиков. После окончательного промывания мозгов при помощи метамфетаминов, тренировок и весьма своеобразных уроков религии и «настоящей» веры, мальчики становились шахидами, а девочки – смертницами или наложницами террористов. Ничего другого детей и не ждало: использовать детское воинство всегда было выгодно, ведь профессиональные наёмники стоят дорого, а дети – нет. К тому же детям проще найти замену...

К маленькой группе таких вот детей-смертников (к 2015 году, по данным ООН, их будет уже четверть миллиона) сейчас направлялось двое мужчин, говоривших на урду³. Главным в паре был высокий голубоглазый пакистанец тридцати лет, смуглый и высокий. Его звали Саид Кхан. Когда-то Саид был командующим элитным корпусом в Пакистанской армии. Саид был отличным солдатом, но однажды очередная операция по захвату Кашмира провалилась, и,

² Самопожертвование детей-террористов.

³ Урду – второй после английского, официальный язык в Пакистане.

не желавшее отождествлять себя с неудачей, пакистанское правительство отказалась от таких, как Саид. Не найдя себе применения в мирной жизни, Саид отправился в Баграм, где и продал себя в наёмники. Деньги и выполняемые им задания служили утешением для Саида до тех пор, пока он не попал в плен и не прошел семь кругов ада. Саида пытали. Его заставляли смотреть мучителям в глаза, когда те его били. Те, кто его бил, постоянно кричали на него. Но это было ничто по сравнению с лишением сна и системой «поощрение – наказание». И каждый из трехсот шестидесяти пяти дней непрерывных, нечеловеческих пыток Саид Кхан задавал себе один и тот же вопрос: «Почему это происходит со мной?». Но ответа не было. «Иншалла, всё в руках Аллаха», – утешал себя Саид. Через год его мучения кончились. Саида нашла и выкупила из плена Карен. Она, его сестра, стояла рядом с ним, когда вышедший из тюрьмы Саид впервые посмотрел на себя в зеркало. Но в зеркале Саид узнал лишь сестру, а не себя – пытки сделали его абсолютно другим человеком. В глазах Саида, как и на висках, покрытых сединой, стыли холод и лёд навеки разбитой жизни.

– Я больше не хочу жить. Я стал никем, и никогда не буду прежним, потому что всё, что я хочу – это мстить тем, кто меня предал, – признался Саид.

– Я помогу тебе. Я знаю, что делать, – ответила Карен, нежно прижавшись к брату.

– Что ты можешь, женщина? – Саид неловко отстранил её. Но Карен могла многое, к тому же она хорошо знала своего брата. Саид хотел не мстить, а – убивать. Воспользовавшись своими связями, Карен исхитрилась переправить Саида в Лахор, в штаб-квартиру «Лашкар-и Тайба». Так Саид Кхан стал боевиком этой террористической организации. Но боевиком называл себя только Саид. Бойцы «Лашкар-и Тайба» считали себя шахидами. В сущности, правы были террористы, а не Саид: в Пакистане шахидами называют солдат, погибших в войнах за Пакистан ради освобождения Кашмира.

– Покажи мне первую пятёрку, которую ты приготовил для отправки в тренировочный лагерь в Вазиристане, – небрежно сказал Саид, обращаясь к своему низкорослому спутнику, которого звали Вакас Хази. Чуть полноватый, с масляными чёрными глазами, хорошо образованный, умный, хитрый и изворотливый Вакас играл в «Лашкар-и Тайба» почтенную роль наставника истишхада.

– В тренировочный лагерь сегодня уедут вот эти четверо: индус и три пакистанца, – уважительно поклонившись, начал Вакас. – А пятого мальчика, вот этого араба с золотой кожей и синими глазами, я оставляю.

– С чего бы это? – удивился Саид.

– Твоя благословенная сестра подарила мне этого мальчика. Ты же не против? – Вакас заискивающе посмотрел Саиду в глаза.

– Насчет первых четырёх – я не против, – кивнул Саид. – А этот белобрысый... что-то он слишком маленький. И кстати, это – не араб, Вакас.

– А кто? – Вакас удивлённо поднял брови.

– Американец. Англичанин. Европейец. Или вообще – русский. Я таких, как эта *chia*, видел в плену в Баграме в восемьдесят втором, когда был там при Пешаварской семёрке⁴... Я лично перерезал горло этим неверным. Тело этого мальчика осматривали? Отметины, знаки, крест неверных на теле есть?

– Осматривали, – кивнул Вакас. – Но ничего этого нету.

– Понятно... Впрочем, зная хитрость неверных, отсутствие знаков ещё ни о чем не говорит. А ну-ка, Вакас, повтори мне, что конкретно сказала тебе моя сестра, когда привезла сюда этого мальчика?

⁴ «Пешаварская семёрка», или «Альянс семи» – военно-политический союз лидеров афганских моджахедов, созданный в 1982 году как инструмент привлечения помощи от США в Афганской войне 1979–1989 г.г.. Являлся непримиримым противником СССР и Демократической Республики Афганистан. Штаб-квартира «Альянса семи» располагалась в Пешаваре, в Пакистане.

– Ну, Карен сказала, что отец этого мальчика был арабом.

– А его мать?

– А вот насчёт матери неизвестно. Карен сказала, это была какая-то *sharmuta*, – Вакас небрежно пожал плечами. – Ты же знаешь, как у нас относятся к женщинам, родившим детей вне законного брака. Но Карен... – и тут Вакас оживился, – но Карен сказала, что она дарит этого мальчика мне! Саид, ты же не заберёшь у меня ее подарок? – Вакас явно волновался. Саид поставил ногу, обутую в крепкий армейский башмак, на проволоку ограждения и знаком приказал охраннику открыть дверь клетки, где на земляном полу сидели пятеро юных пленников.

– Давай сюда этого, белобрысого, – приказал Саид. Охранник смахнул пот усердия и со всех ног бросился исполнять приказание. Наклонившись к мальчику, стражник указал ему пальцем на Саида. Синеглазый малыш кивнул, плавно поднялся на ноги и безбоязненно потопал к огромному, испещрённому шрамами, Саиду. Когда ребенок находился всего в паре шагов от него, Саид выбросил вперёд руку, схватил за подбородок ребёнка и резко вздернул вверх его голову. Четырехлетний малыш дёрнулся и «ответил» мужчине весьма недовольным и неприязненным взглядом. Другие мальчики – пакистанцы и индус – всхлипнули. Саид бросил на пленников злой взгляд. В ответ мальчишки немедленно зарыдали. В отличие от светловолосого карапуза, которого сейчас терзал Саид, эти дети уже успели выучить, что такое боль и страх. Но Саба таким опытом не обладал: всю свою жизнь он прожил в окружении людей, которые любили его и баловали безмерно.

– Что, *chua*, ты меня совсем не боишься? – обратился Саид к мальчику на урду. Саба не понял чужую речь, и в его живых глазах промелькнули удивление и явный интерес. – А ну-ка, Вакас, спроси у этого *chua*, откуда он. – Саид Кхан прищурился, продолжая разглядывать тонкое синеглазое личико.

– На арабском спросить? – засуетился Вакас. Саид усмехнулся:

– Нет, на английском... Для начала, на английском спроси, – поправился он.

– Where are you from, boy? – ласково обратился к ребёнку Вакас. – Откуда ты, мальчик? Саба перевёл изумленный взгляд на Вакаса.

– На английском мальчик не понимает, – подобострастно объяснил мимику малыша Вакас.

– Это я уже понял, – хмыкнул Саид. – А теперь, Вакас, задай мальчику тот же вопрос, но – теперь на русском.

Вакас подумал, нервно дёрнул уголок рта, но приказание исполнил. Возникла пауза.

– E-da? Ana mish fekhem. Aiz akl', – неожиданно ответил ребенок и забавно почесал нос.

– Что он сказал? – заинтересовался Саид.

– А он сказал на арабском, что он меня не понимает. И добавил, что он очень хочет есть... Саид, мальчик абсолютно чисто говорит на арабском. И произношение у него, как у коренного жителя египетской Александрии. Карен не обманула тебя, этот мальчик действительно араб.

– Вот как? Значит, на арабском мальчик говорит, а на русском – не понимает?.. А ну-ка, спроси у этого *chua*, как его зовут. На русском спроси.

Оценив замысел Саида, Вакас покусал губы и всё же перевёл вопрос на русский язык. Мальчик удивленно изогнул изящные тёмные брови и несколько минут с неподдельным интересом смотрел в рот Вакасу, вслушиваясь в его речь. Казалось, малыша заинтриговал этот странный выговор, гортанный, как рокот водопада. Понаблюдав за реакцией малыша, Саид сделал Вакасу знак, и тот задал тот же вопрос на арабском.

– Esmi Sab'a, – тут же ответил мальчик, после чего подумал и, сжав все пальцы в кулачок, разогнул средний палец.

– Это ещё что? – изумился Саид.

– Ну... кхм, мальчик сказал, что его зовут Саба. Странное имя... На арабском означает цифру «семь».

– Я тебя не об этом спрашиваю! – разозлился Саид. – Жест мальчика что означает? Тоже число «семь»?

– Ну это означает, что... кхм... ну, что мальчик... что он тебя не боится, – осторожно ответил Вакас.

– Вот как? – хмыкнул Саид и сильнее сжал подбородок малыша. И тут Саба исполнил запрещённый приём: разжав пальцами руку Саида, он потёр покрасневшую кожу вокруг своего рта, после чего склонил голову к плечу и улыбнулся. В глазах цвета лазури засияли два золотых солнца. «Глаза человека – это зеркало его души», – вспомнил Саид слова Карен. Тогда Саид согласился с сестрой. Но сейчас он мог бы с ней и поспорить: зеркалом души мальчика, который сейчас бесстрашно смотрел на него, была улыбка. При виде этой улыбки Саид Кхан потрясённо застыл, Вакас ахнул, а стражник заулыбался и нащупал в кармане кусок припрятанной им пакистанской лепешки чапати. «Отдам ребёнку, когда эти двое отвалят», – решил про себя охранник. Между тем Саид повернулся к Вакасу Хази.

– Значит так, Вакас, – безапелляционно сказал он. – Вот этих четверых – кивок в сторону индуса и трёх пакистанцев – ты отправишь завтра в лагерь. А что до этого маленького араба – кивок в сторону Саба – то я бы пристрелил его, потому что он слишком мал и от него толка не будет как минимум, еще десять лет... но эти его глаза и улыбка – они многое меняют. Поэтому я решил так: ты, так и быть, оставишь этого мальчика у себя. – Охранник испуганно вздрогнул. Вакас радостно вспыхнул. – Подожди, не благодари меня, – наблюдая за Вакасом, мрачно усмехнулся Саид. – Ты ещё не знаешь, что тебе предстоит делать. Итак, ты будешь очень хорошо заботиться об этом ребенке. Растить его. Кормить. Учить наукам и языкам. Особое внимание удели урду и его наречиям, таким, как хенко и годжал, – Саид надменно цедит слова, – если надо, приведешь к мальчику преподавателей... Но самое главное, что ты должен сделать – это научить этого мальчика подчиняться. Этот мальчик, этот *chua* не ведал ужаса, и это его плюс. Но он не умеет слушаться, и в этом его минус... Вакас, ты должен заставить этого ребенка исполнять любой приказ, который отдаст ему его хозяин. Ты знаешь, как у нас это делается. Лицо мальчишки не тронь – он очень хорош, и портить дар, данный ему Аллахом, я тебе запрещаю. Но в твоём распоряжении будет вся спина этого ребёнка. Вот ею и занимайся... А потом мальчиком займусь я, сделаю из него солдата. Да такого, что преподнесет Карен огромный сюрприз. И ещё... – Саид помедлил и брезгливо передёрнул плечами, – Вакас, не смей делать из мальчика шлюху.

– Но... но твоя сестра мне обещала, – вспыхнув до корней чёрных, гладких, блестящих волос, возмутился Вакас. Саид прервал Вакаса одним движением густых, сросшихся на переносице, бровей:

– Вакас, ты меня понял? Мне нужен солдат – такой, как я, а не *заднеприводный* – такой, как ты. Взамен этого мальчика можешь выбрать себе любого из этих четырёх. Считай, это моя тебе компенсация.

– Но твоя сестра... Но Карен же обещала этого мальчика мне, – жалобно взмолился Вакас и тут же прикусил язык, едва увидев жёсткий, холодный и непримиримый взгляд Саида.

– Моей сестры тут нет. А я – есть, – зловеще пригрозил Саид. – И этот мальчик – мой.

– *Sahih, arbab*. Хорошо, господин. Пожалуйста, прости меня.

Саид смерил Вакаса насмешливым взглядом и ушёл. Саба, которого Саид называл странным именем *Chua*, устало зевнул и дал охраннику увести себя. Улыбаясь своим мыслям, охранник тщательно запер дверь и украдкой сунул мальчику остатки лепёшки чапати:

– На, поешь, детка.

И только Вакас остался стоять, сжимать кулаки и от души проклинать Саида.

Прошёл год. В ноябре 1987 года мальчику, названному Chua, исполнилось пять лет.

– Покажи мне, что ты выучил на урду. – Мальчик протянул трогательную тетрадку в клетку. Вакас пробежал глазами тридцать фраз, взятых мальчиком из Корана. – Хорошо, – похвалил он малыша. – Но ты, Chua, сделал шесть ошибок, и за это тебя ждет наказание. Повернись ко мне спиной, мой маленький мальчик. За каждый удар ты получишь финик, – и с этими словами Вакас показывает голодному малышу плётку и миску со спелыми плодами. Финики вкусные. Chua хочет есть, а к плети хозяина он уже привык. К тому же Вакас его любит, а спина, иссечённая шрамами, не реагирует на удары так, как это было сначала. Мальчик спокойно выполняет команду. Вакас ударяет его шесть раз и хрипит:

– Ах, Chua... как же я тебя люблю. И ты такой красивый, мой славный, мой маленький мальчик...

Прошел ещё один год, и Chua исполнилось шесть лет. Сейчас он стоит в богато обставленной комнате и внимательно разглядывает стол, на котором лежит плётка и стоит миска, полная спелых фиников. На диване привольно раскинулся Саид. Хозяин дома, Вакас, стоит рядом с мальчиком.

– Встань на колени, Chua. Покажи мне, что ты умеешь, – лениво тянет Саид. В ответ мальчик переводит вопросительный взгляд на Вакаса.

«Мой хозяин – Вакас. Вакас должен подтвердить приказание чужака.»

Но Вакас странно улыбается и отводит глаза в сторону.

– Chua, ты слышал, что я сказал? – Саид грозно выпрямляется, но мальчик по-прежнему ищет глаза Вакаса. – Я сказал, встань на колени. В третий раз я просить не буду. – Кажется, что голос Саида взорвал ужасом всю комнату. Вакас попятился. Но мальчик поднял вверх голову и одарил Саида спокойным, уверенным взглядом.

– Вы не мой хозяин, господин, – равнодушно объявил мальчик Саиду.

– Ах, не твой? – извергая потоки ругательств, Саид вскакивает и рывком вытягивает из брюк широкий солдатский ремень с увесистой медной пряжкой. Мальчик переводит встревоженный взгляд на Вакаса. Но Вакас снова отводит в сторону глаза, молчит и все также странно улыбается. Саид размахивается и на спину мальчика опускается оглушительный удар. Мальчик кричит и ищет глаза хозяина.

«За что меня бьют? Хозяин же мне ничего не приказывал!»

Саид прищуривается и отмеряет еще один удар, не столько сильный, сколько расчётливый.

– Смотри в глаза только хозяину, – шепчет рядом Вакас. В это время пряжка касается спины мальчика. Chua кричит от боли. Делая короткие, рваные вздохи, мальчик ищет глазами Вакаса. Тот должен подтвердить приказ Саида и тем самым избавить его от мучений. Но Вакас прячет глаза. Удар. Ещё один удар.

– Если ты мне не подчинишься, то следующим будет твой любимый хозяин, – плюётся словами Саид. – На колени, Chua, я кому сказал?

Так мальчика и сломали. Теперь он – марионетка в безжалостных руках. Его бьёт человек, которому подчиняется его хозяин. Саид может сделать Вакасу больно. И мальчик, которого Вакас называл Chua, сделал всё, чтобы хозяина не тронули – он всё-таки встал на колени.

Только через три года мальчик узнал, что chua – на урду «крыса»...

Наступил 1991 год. Вот уже пять зим как мальчик живёт в доме Вакаса.

– Ты видел успехи мальчика, Саид, – хвастается Вакас Саиду, приехавшему навестить мальчика. – Chua отлично усвоил все уроки ислама. Владеет годжалом, хенко и урду, как пакистанец. Я также научил его русскому и английскому. А математику и логику Chua схватывает вообще на лету, а ещё ... – Вакас осекся, увидев небрежную улыбку Саида.

– Покажи мне лучше, как мальчик умеет слушаться, – требует он. Вакас восторженно кивает и берёт в руки толстый солдатский ремень с увесистой медной пряжкой. Сидя на низком диване, Саид Кхан прищурился и протянул Вакасу свою пиалу с чаем.

– Покажи лучше так, – с насмешкой говорит он. Вакас вспыхнул, с видимым удовольствием отбросил ремень, взял в руки чашку и шагнул к мальчику.

– Встань на колени, Chua. Я тебя люблю, мой маленький, мой храбрый мальчик, – пропел Вакас. – Вынесешь этот урок, да? Ведь ты меня любишь.

Мальчик безмолвно стаскивает с себя майку и привычно становится на колени.

– Смотри мне в глаза, Chua, – командует Саид.

– Терпи и не плачь, – подсказывает Вакас и медленно, точно смакуя, выливает кипяток из пиалы на голую спину подростка. Мальчик издаёт короткий, хриплый крик, но не отводит глаз от Саида. – Терпи, терпи, Chua, ведь я тебя люблю, – воркует Вакас. Поднявшись с дивана, Саид присел на корточки напротив подростка. Жёсткими пальцами он взял мальчика за подбородок и несколько мгновений изучал синие, замершие от боли глаза. В это время Вакас потянулся к *своей* чашке с чаем. Саид уловил это движение.

– Довольно, у мальчика шок, – тихо приказал Саид, в этот миг вспоминая свой собственный опыт. Именно так, много лет назад благодаря спасительному шоку Саид научился преодолевать пытку болью. Помедлив, Саид выпрямился, снял с себя пиджак и набросил его на спину подростка. – Ну что ж, отлично, – как ни в чём не бывало, произносит Саид. – Итак, первый урок пройден. Мальчик знает, чем грозит ему неподчинение. А ты, Вакас, неси шприц и ампулу, нужно противошоковое вколоть. Иначе мальчик не справится. – Саид окинул взглядом дрожащего подростка. – Ничего, потерпи, larka, – очень тихо сказал он. – Через два месяца кожа заживёт, а мы с тобой приступим к совсем другим урокам. Я научу тебя пользоваться ножом – владеть им, как мужчина, и если все пойдёт, как рассчитываю я, то к апрелю ты станешь седьмым бойцом моего отряда. И кстати, чуть не забыл: тебе же положена награда.

Вакас с готовностью потянулся к миске с финиками. Саид Кхан мрачно захохотал:

– Оставь себе эту дрянь, Вакас. В отличие от тебя этот мальчик уже мужчина.

– Да ему всего девять лет, – возмутился Вакас.

– Зато он ведёт себя, как мужчина. Терпит боль, как мужчина. Вот пусть и получит награду, как настоящий мужчина. Для начала вернём ему имя. Как там, в лагере, он называл себя? – Саид пощёлкал пальцами и вопросительно посмотрел на Вакаса.

– Его имя? Э-э... кхм... что-то не припомню, – Вакас собрал гладкий лоб в морщины. – Ах да, кажется, какое-то числительное. Кажется, семь.

– «Семь»? Ну надо же, – усмехнулся довольный Саид. – Значит, назовём мальчика Сахт. Ну что, с днём рождения тебя, *крестник*... А ты, – и Саид обернулся к Вакасу, – ты купи моему Сахту самую лучшую женщину. Самую красивую и самую умелую. А ещё лучше – купи двух. Найди тех, что научат Сахта любви, а не этим твоим... нежностям... «Я люблю тебя, мой маленький мальчик», – передразнил Вакаса Саид и брезгливо сплюнул себе под ноги.

– Но... но я бы мог и сам обучить мальчика, – заупрямился Вакас и осёкся, увидев по-настоящему страшный взгляд Саида.

– Вот именно, – прошипел Саид, оценив ужас на лице Вакаса. – Ты помнишь наш уговор? Не смей трогать мальчишку. Он – не для тебя. А теперь пойдём, проводишь меня. А с тобой я не прощаюсь, larka.

В ту ночь получивший новое имя мальчик так и не смог уснуть. Но думал Сахт вовсе не о награде. Прислонившись невыносимо горячей спиной к холодной кирпичной кладке, мальчик сидел неподвижно, так, чтоб не тревожить больное тело, и смотрел вверх, на древнее, как мир, небо Пакистана. Небо было глубокого серого цвета, как графит, а звёзды такими яркими и близкими, что, казалось, протяни руку – и дотронешься до них.

– Почему это происходит со мной? – спросил небо мальчик. Но ответа не было. И мальчик сам ответил себе: «Inshalla. Всё в руках Аллаха» ... В глазах мальчуга мерцали звезды.

Прошло четыре года. В апреле 1995 года в «Лашкар-и Тайба» принимали гостей: боевиков, заслуживших славу; наёмников, сделавших себе имя; перекупщиков «живого товара». Для приёма гостей было подготовлено весьма занимательное зрелище, для чего в цехах разрушенного войной завода была выстроена арена. Заполненная песком и кирпичной крошкой, она была обнесена крупной металлической сеткой, вокруг которой поднимались вверх ряды с крошащимися под ногами кирпичными ступеньками. Ступеньки служили сидениями для двух сотен зрителей. В воздухе ещё разливалось зловоние плесени и той особой, затхлой сырости, которая свойственна всем помещениям, брошенным людьми. Но теперь этот смрад был явственно перебит густым запахом пота, азарта и шелестящих зелёных денежных купюр, переходящих из рук в руки. Каждые десять минут помещение оглашалось яростными криками одобрения или ярости: зрители делали ставки, менять которые было запрещено. «Иншалла – все в руках Аллаха», – привычно звучало в воздухе.

Саид Кхан провёл свою сестру Карен к лучшим местам.

– Так в чём же заключается твой сюрприз, брат? – усмехнулась Карен, одетая, как и многие зрители, в традиционную для Пакистана «шалвар-каميز» – широкие шаровары и длинную рубашку. На звонкий звук женского голоса разом заинтересовано обернулось несколько мужчин. Но, признав в женщине сестру Саида, боевики все, как один, отвели глаза: Карен была равной среди них, а не их добычей.

– Хочу показать тебе кое-кого, – загадочно сказал Саид и кивнул на арену. В это время в центре ринга заканчивался показательный бой. На площадке, усыпанной песком, двигалось пять пар мальчиков. Мелодично звенели ножи. Десятилетние дети бились зло и яростно, но наметанному глазу Карен было очевидно, что для этих детей ножевой бой пока что только игра, а не битва за жизнь со смертью.

– Ах, это? Ну, ничего интересного для меня. – Карен сморщила носик, когда один из мальчиков получил ножевое ранение.

– Ничего интересного? – шутливо возмутился Саид. – А как насчёт того, что ножевой бой – это самое философское единоборство? Помнишь, нас с тобой учили, что в ножевом бою основным противником человека является не враг с ножом, а тёмные стороны в самом человеке? Только познав их, можно противостоять кому угодно, – назидательно произнёс Саид. В ответ голубые глаза Карен заискрились от смеха.

– Брат, ты меня в гроб вгонишь с этой своей дешёвой философией, – засмеялась Карен, – и ты...

Но слова женщины потонули в крике, одновременно вырвавшимся из сотни мужских плотов, когда пять пар мальчиков покинули арену, а на ринг выпустили двух новых бойцов.

– Сахт! Абдулбаис! Сахт! Абдулбаис! – бушевала толпа. Из рук в руки боевиков стали переходить очень крупные суммы денег.

– Почему такие большие ставки? – оценив достоинство банкнот, изумилась Карен.

– Потому что эти мальчики – сильнейшие. Но в спарринге они пока ещё не встречались. Год назад Сахту было только двенадцать, и я не хотел выпускать его против Абдулбаиса. Но теперь, когда Сахт подрос, пришло время узнать, на что он способен... Видишь ли, – пояснил свою мысль Саид, – в отличие от Абдулбаиса у Сахта ещё не было поражений, но Абдулбаис дерётся уже несколько лет, а у Сахта весь практикум открытых боёв всего каких-то полгода.

– Вот как? – И Карен с интересом оглядела обоих юных бойцов. Первый – тонкий, изящный, стройный, женщину не заинтересовал. А вот второй – крупный, грозный, светловолосый – поражал ощущением огромной физической силы.

– А кто из них кто? – спросила Карен. – Сахт – это тот, что крупнее, да?

– Нет. Сахт – это тот, что поменьше. Так на кого из мальчиков ты поставишь, сестра?

Карен ещё раз окинула взглядом обоих «гладиаторов» и прикинула, что если Сахта можно сравнить с гибким, блестящим, но хрупким клинком, то Абдулбаис напоминает хорошо отточенный топор, одним ударом сносящий с плеч головы.

– На Абдулбаиса, который постарше, – усмехнулась сестра. – Я хочу выиграть.

– Ты проиграешь, – уверенно заявил Саид. Карен снисходительно рассмеялась. Брат и сестра сделали ставки.

– Восточно-европейский стиль, – объявил рефери. Зрители тут же притихли, а каждому из юных бойцов вручили ножи для поединка. В тонкой руке Сахта оказалась тяжёлая «финка», а в ладонь Абдулбаиса лёг боевой китайский нож. Клинок китайского ножа был явно легче «финки», но обладал одним смертельным секретом: длину лезвия этого ножа можно было увеличить на несколько сантиметров и тем обеспечить себе безусловное преимущество в бою. Отмерив дистанцию, Абдулбаис первым перешёл в наступление. Сахт ловко отбил удар. Теперь мальчики двигались на арене по кругу, со стремительной пластикой зверей, делая яростные выпады. Подавшись вперёд всем телом, сузив глаза, Карен наблюдала за Сахтом. Как можно парировать удары китайского ножа – женщина прекрасно знала, но её интересовало, что может делать «финка». В руках Сахта нож показался Карен головой ядовитой змеи со стальным языком. Не пропуская движений каждого из юных бойцов, Карен изучала, как Сахт, используя замкнутые, восьмерко-образные траектории, наносит своему противнику удар за ударом. При этом каждый туше Сахта был высокого поражающего эффекта: за любым ударом «финки» могло последовать поражение жизненно важных органов противника или даже летальный исход, но Сахт явно жалел Абдулбаиса. Закончив свои наблюдения, Карен пришла к выводу, что Сахт за одну короткую секунду хладнокровно и расчетливо мог «подарить» своему противнику сразу четыре смерти, а Абдулбаис не смог нанести Сахту даже одного опасного удара, за исключением порезов на левой руке и у локтевого сгиба правой.

– Сахт, добей его! – слышалось с трибун. – Добей Абдулбаиса, хватит играть! Давай, добей его, larka.

– Почему Сахт не убивает Абдулбаиса? – удивилась Карен.

– Я ему ещё не разрешил, – усмехнувшись, ответил Саид. Карен сделала большие глаза:

– Так это ты тренировал Сахта?

– Да, я, – с гордостью кивнул Саид, в то же время, не сводя внимательного взгляда с арены, где сейчас сражался его лучший ученик.

– Ну, тогда я прощаюсь с выигрышем, – разочарованно протянула Карен.

Между тем на ринге происходило нечто странное. Нанеся противнику глубокий порез у пятого ребра, Сахт неожиданно отступил и опустил нож. Вбешённый, жаждавший реванша, Абдулбаис немедленно ринулся вперёд. И тогда Сахт молниеносно сделал четыре коротких движения. За долю секунды он присел, крутанулся на левой пятке и сделал подсечку правой ногой. Абдулбаис попятился, и тогда Сахт едва уловимым движением перехватил «финку» и нанёс тяжёлой рукояткой ножа сильный, болезненный удар в область верхней губы противника. Из глаз Абдулбаиса брызнули слёзы, из носа пошла кровь, а сам Абдулбаис, на мгновение потеряв зрение, как подкошенный, рухнул на спину. В то же мгновение Сахт упал на колени и ногами заблокировал движения рук и ног Абдулбаиса. Перехватив финку за рукоятку левой рукой, Сахт прижал лезвие к сонной артерии Абдулбаиса и чуть-чуть надавил. Из рассеченной кожи на шее Абдулбаиса зазмеилась алая струйка крови. Зрители издали общий вздох. Разыгранная перед ними драма приближалась к развязке. Но последнее слово оставалось за хозяином Сахта.

И мальчик поднял голову. Его синие глаза обыскали толпу и нашли лицо Саида. Увидев глаза мальчика, Карен ощутила холод.

– Так вот кого ты хотел показать мне, брат, – сглотнув, прошептала женщина. – Но он же сдох, он же должен был умереть... Или стать sharmuta, как его мать... Я же приказывала Вакасу, и...

– Заткнись, Карен, – грозно и властно отрезал Саид. – У тебя есть сын, рожденный вне брака? Вот его и воспитывай. А этот мальчик будет моим. Он и так уже почти мой. Дело осталось за малым. – Саид давил Карен взглядом, вынуждая женщину отступить и опустить свой взор. Поединок голубых глаз длился ровно секунду. Первой сдалась Карен.

– Ну хорошо, – неохотно сказала женщина. – Но, позже мы погорим! – пригрозила она.

– Я всегда прав. А на разговор «позже» можешь не рассчитывать. – Саид торжествующе усмехнулся и перевёл взгляд на арену. Там всё ещё ждал его решения Сахт.

– Убей противника, если хочешь, – милостиво разрешил Саид мальчику. Длинные, чёрные ресницы Сахта дрогнули. Синий взгляд на мгновение переместился чуть выше головы Саида. Там, незаметный толпе, у дальнего входа, за спинами зрителей стоял Вакас Хази. Поймав взгляд Сахта, Вакас отрицательно покачал головой и тут же исчез в толпе. Тёмные брови мальчика взлетели вверх чёрным изломом, рот сжался в жёсткую линию. Сахт поудобнее перехватил рукоятку «финки», и в воздухе пробежали предгрозовые разряды.

– Молись, – громко произнёс Сахт и наклонился к противнику. – Иншалла, – прошептал он. Абдулбаис вздрогнул, глядя в глаза мальчика.

– А... астагъфиру-Ллах, уа атубу иляйхи, – начал робко читать по памяти Абдулбаис. – Прошу прощение у Аллаха и приношу Ему своё покаяние...

Он не успел договорить, когда Сахт размахнулся и вонзил нож в песок рядом с его лицом.

– Иншалла. Всё в руках Аллаха, – произнес Сахт и встал. Раздался один общий выдох, и воцарилось безмолвие.

– Послушный мальчик? «Послушный тебе», Саид? – в общей тишине издевательски расхохоталась Карен. Она наклонилась к Саиду и прошептала ему на ухо: – Убей его, брат. Потому что этот мальчик никогда тебе не подчинится... Поверь, я знаю, о чём говорю. – Карен поднялась и ушла. А Саид остался сидеть и смотреть, как зрители почтительным молчанием приветствуют его, учителя, и его лучшего ученика, покидающего арену в одиночестве.

Вечером того же дня в гостиной Вакаса Хази накрывали на стол. Но сам Вакас торопливо спустился в подвальную комнату, где его уже ждали Саид и Сахт, стоявший на коленях.

– Чуть позже тебя ждёт награда, – разглядывая подростка, сообщил ему сухим, как зыбучий песок, голосом Саид. – Но сначала ты, Сахт, примешь своё наказание.

Мальчик покорно кивнул. Впрочем, мальчик давно уже одинаково бесстрастно переносил страх, пытку, боль, ужас, любовь женщин и даже миг, когда они доставляли ему удовольствие. Но в этот раз Саид удивил подростка: из маленькой жаровни он достал раскалённое клеймо на длинной деревянной ручке. Глядя на пылающее красным железом Вакас отёр струящийся по его лицу пот.

– А можно, я это сделаю? – Вакас искательно заглянул в лицо Саида.

– Ты? Ну что ж, давай ты. – Саид с явным облегчением бросил клеймо на жаровню и отошёл. Занявший его место Вакас осторожно ухватил клеймо за безопасную ручку, зашёл мальчику за спину, примерился и прижал железо к детской спине. Отвратительно зашипела кожа и кровь, сворачивающиеся под смертельным жаром. Плоть лопнула, запахло палёным мясом. Клеймо впилося в спину мальчика, и между лопаток Сахта расцвела красно-чёрным арабская цифра «7». Мальчик выгнулся от непереносимой боли и перехватил напряженный взгляд Саида.

– Теперь тебе понятно, кто твой хозяин? – спросил Саид.

– Молчи, если хочешь жить. – Этот шёпот Вакаса было последним, что услышал Сахт перед тем, как потерять сознание.

Очнулся он через сутки.

– Ты как? – прошептал Вакас, меняя ему повязку.

– Нормально. – Мальчик дёрнулся, когда пальцы Вакаса задели его обугленную плоть.

– Потерпи, мой маленький, мой красивый мальчик.

Сахт закрыл глаза, послушно кивнул и расслабился.

– Малыш, ты правда меня любишь? – Вакас наклонился к мальчику и ласково погладил его по голове.

– Да, я тебя люблю, – впервые признался мальчик. И он не лгал. Всем хорошим, и всем плохим Сахт был обязан Саиду. Мальчик знал, что Саиду он нравится. Но Саид никогда не говорил ему о том, что он любит его. А Вакас говорил всегда, даже когда бил его...

Прошло полтора месяца. Ожог Сахта затянулся, но так и не зажил до конца. В один из дней Саид Кхан решил навестить мальчика.

– Хочу с тобой поговорить... Итак, почему ты не убил противника? – дружелюбно начал Саид Кхан, присаживаясь к подростку на постель. Мальчик покусал губы, подумал.

– Вы не отдавали мне такой приказ, господин, – наконец произнёс он.

– Нет, отдавал. Ты знал, что если ты выиграешь, то должен убить Абдулбаиса. Так почему же ты этого не сделал? Кто – или что тебя тогда остановило? – Подросток попробовал пожать плечами, но зашипел от боли. – Итак? – не отступал Саид. – Кто велел тебе нарушить мое приказание? Вакас?

В это мгновение в комнату ввалился насмерть перепуганный Вакас Хази.

– Не я... то есть я, Саид, хотел предложить тебе чай, – пролепетал Вакас. Глаза Сахта вспыхнули, и Вакас немедленно прикусил язык. «Вот так трусы и выдают себя», – усмехнулся про себя Саид. Он посмотрел на подростка, еще не научившегося лгать, потом смерил взглядом трусливого взрослого, обманом забравшего себе сердце этого мальчика. И Саид ощутил горячее желание сжать глотку Вакаса и медленно, по капле, выдавить из неё весь воздух, а вместе с ним и всю его никчемную жизнь.

В тот миг Саид принял решение.

– В общем так, Сахт, – Саид поднялся. – Ты через месяц отправишься со мной в тренировочный лагерь в Вазиристане. Там ты долечишь спину, потом пройдешь трехнедельный курс «Даура-а-Аам». Поймешь, наконец, что такое истинный ислам в *моем* понимании. Далее ты обучишься применению оружия: автомат Калашникова, автоматическая винтовка, ручной пулемёт «INSAS» и наша штурмовая винтовка «G2». Ещё пистолеты и взрывчатка. После этого отправишься на курс, доступный только избранным.

– Он-то уедет. А как же я без него? – пискнул Вакас. Саид прищурился:

– А у тебя, Вакас, есть ровно месяц на то, чтобы *как следует* попрощаться с воспитанником. Напоминаю: лица не трогать. А вот спина Сахта – если твой «любимый мальчик», конечно, к этому готов – она в полном твоём распоряжении... Смотри, хозяин, не облажайся. – Саид странно усмехнулся, смерил Вакаса загадочным взглядом и ушёл.

А Сахта ждали мучения. Теперь Вакас по несколько раз в день проверял, как заживает рубцующийся шрам мальчика. Но рана гноилась, и тогда Вакас брал в руки нож, чтобы вскрыть её. На четвертый день мальчик не выдержал.

– Перестань, я больше не могу, – прошептал Сахт, еле ворочая изгрызенными в кровь губами. Ответом ему стал сильнейший удар, обрушившийся ему на голову. Оглушённый мальчик дёрнулся. Вакас посмотрел на гибкое тело Сахта, и вдруг представил себе всё, о чем он только мечтал. О том, как это было бы, если б этот мальчик, такой красивый и такой желанный, был бы с ним рядом. А еще лучше – под ним. Или – стоя на коленях, позади него. И какие вещи можно было бы сотворить с его золотистым телом. И как боль – эта непереносимая мука в синих глазах – стала бы прекрасной спутницей их разделённой страсти.

Лицо Вакаса Хази налилось кровью, дыхание разорвалось, а потом стало тяжёлым. Не контролируя себя, мужчина пнул мальчика. Сахт скорчился, а Вакас пережил настоящий пароксизм страсти. Мужчина пошатнулся и, хрипло застонав, приготовился снова ударить подростка.

– Пожалуйста, не надо, хозяин, – взмолился мальчик, пытаясь отползти в угол. – Ты же любишь меня.

– Люблю? Кого? Тебя? – от неожиданности Вакас пришёл в чувство. – Люблю «тебя»? – презрительно переспросил он. Потом захохотал: – Да что ты знаешь о любви, ты, грязь под моими ногами? Ты же спал с женщинами и не сохранил своей чистоты... Крысёныш, дрянь. О, я бы показал тебе всю силу своей любви, если бы только смог хотя бы один раз – всего один-единственный раз – добраться до тебя... Ах, если бы только не Саид. Если бы только не этот чёртов Саид! Ну, ничего... Я, Chua, рассчитаюсь с тобой по-другому. Подай мне нож. За неимением лучшего я подправлю цифру «7» на твоей спине. На счастье, на удачу, на долгую память вырежу тебе еще одну семёрку... Ты встанешь, или нет? – разозлившись, Вакас снова пнул мальчика. – Встань, я тебе приказываю! – торжествуя, заорал он.

И мальчик выполнил приказ. Теперь он стоял, пошатываясь.

– Ну и чего ты ждёшь, волчонок? Где мой нож? – презрительно скривив губы, Вакас шагнул к мальчику и в первый раз в жизни ударил его по лицу. Лицо мальчика исказилось, пушистые ресницы дрогнули, и подросток ответил:

– Вот твой нож. Держи его крепче, хозяин...

Вакас не сразу почувствовал удар, надвое распоровший ему живот. Произошло неизбежное: услышав непрощаемые слова, идеальная машина сломалась. Психика подростка выставила вперед свой последний щит: вечный инстинкт жизни. Мальчик вышел из повиновения. Он размахнулся, и острая сталь ещё раз вонзилась в живот хозяина. Потом ещё раз и ещё. Нанеся семь ударов, мальчик отступил назад, склонил к плечу голову и улыбнулся, наблюдая, как обезумевший от страха мужчина выкатил белки и грузно осел на ковер. Как чёрная кровь залила красную миску с финиками, и как, подбирая свои кишки, Вакас закричал от ужаса. Очнувшись от крика, мальчик моргнул и сделал неуверенный шаг к хозяину.

– Sahih? – осторожно позвал мальчик. – Что с вами, хозяин?

– Не подходи, – слабея, Вакас лёг у его ног. – Саид... он всё-таки у меня выиграл... А ты... уходи, Саба... ты, чёртов копт. Карен мне говорила. – Глаза Вакаса на мгновение сфокусировались на потрясённом лице подростка. – Да, я помню твое настоящее имя... Тебя зовут... Саба... Эль-Каед, и ты... не мусульманин... Ты – копт. И вот... теперь... ты... живи... вечно... с этим... моим... подарком. Живи – и будь... ты проклят... как и вся эта любовь. – С этими словами Вакас умер. А мальчик, обретший своё имя, упал перед ним на колени. Он стиснул в объятиях и прижал к себе труп человека, с которым жил долгих девять лет, которого он любил и которому бесконечно верил. Корчась в рыданиях, маленький убийца оплакивал свою жертву так, как не плакал никогда. Шли секунды. Минуты падали в бездну. Наконец, слёзы мальчика иссякли. Саба вытер глаза тыльной стороной ладони, задумчиво лизнул правый кулак, костяшки которого сочились кровью. Наклонился – и одним движением подхватил нож, которым зарезал Вакаса. Мальчик равнодушно отвернулся от мёртвого тела. Настороженно, как обходящий западную волк, подросток выбрался из дома. Дойдя до первой же лужи, мальчик отмыл в ней руки и нож. Как смог, отстирал кровь с одежды. А потом поднялся и медленно пошёл вперед, не оглядываясь и не разбирая дороги.

Прошёл ровно месяц. 25 апреля 1995 года в кабинете главного врача городской больницы Лахора встретились двое мужчин. Одним из них был молодой пакистанец, проходивший практику в госпитале. Другого звали Рамадан Эль-Каед, и он разыскивал Саба долгих девять лет. Поиск Рамадана завершился, когда двумя днями ранее он и Рамзи нашли голубоглазую Карен.

Два урока наследника рода Эль-Каед – и Карен Кхан призналась, где её младший брат Саид прятал подростка. Последнее, что увидела Карен перед тем, как Рамадан перерезал ей горло, были мертвые глаза её брата, безмолвно и до конца, вынесшего все три пытки.

– Мне нужен мальчик, который недавно пришёл к вам, – сидя на стуле, сухо объявил врачу Рамадан. – У мальчика синий, насыщенный цвет радужной оболочки глаза. Вокруг радужки ярко-выраженный ободок тёмно-синего цвета. У мальчика золотистая кожа и светло-русые волосы. Четыре маленьких родинки над левым надбровьем. Мальчика зовут Саба. Или, по-вашему, Сахт.

– А – кто вы этому мальчику? – насторожился доктор.

– Я? – усмехнулся Рамадан. – Ну, скажем так: я – его ближайший родственник. Я знаю, что Саба находится здесь, у вас. Позовите его. Я хочу забрать мальчика.

Поёжившись под требовательным взглядом золотых глаз, врач неохотно кивнул. Да, этот мальчик был у него, но отдавать подростка такому человеку, как Рамадан, врач не спешил: от Рамадана исходила угроза.

– Вы знаете, что мальчик немой? – подумав, спросил доктор.

– Немой? – изумился Рамадан.

– А еще у него не русые, а белые волосы.

– Ну и что? Волосы могли выгореть на солнце, – пожал плечами Рамадан. – А вот с чего вы решили, что мальчик – немой?

– Ну, когда я спросил, как его зовут, то мальчик мне не ответил. Он слышит, но не говорит. И мальчик написал своё имя. И это имя я чуть позже прочитал у него на спине.

– В каком смысле «вы прочитали»? – Рамадан даже опешил.

– А у мальчика на спине идеально выжжена цифра «семь», – врач горестно усмехнулся, наблюдая за окаменевшим лицом побледневшего Рамадана.

«Как вы, его родственник, могли допустить, чтобы с ребёнком случилось такое?» – хотел спросить доктор, но вместо этого произнёс: – Не представляю, какие нелюди сделали это.

– Вы считаете, Саба поэтому не разговаривает? – подумав, спросил Рамадан.

– Да, – уверенно кивнул врач. – Это – последствия шока. Как врач, я могу вам сказать, что такое поведение – следствие травм, перенесённых ребёнком. Судя по всему, мальчик видел что-то страшное... Тут в Лахоре месяц назад было совершено преступление. Убийство. Полиция ищет человека, который зарезал весьма уважаемого человека. Воткнул ему нож в живот, и выпустил ему кишки. Этот убийца – настоящий зверь. – Доктор вздрогнул. – И я думаю, что этот мальчик мог быть жертвой того же нелюдя, потому что ребёнка явно пытали... Но, к сожалению, провести полный медицинский осмотр мальчика я так и не смог, потому что мальчик добровольно никому не позволяет дотронуться до себя, – признался доктор. – Вы бы видели, как мы нож у него отбирали, – и врач грустно махнул рукой, – ничего не могли с ним поделать, пока не вкололи мальчику лошадиную дозу успокоительного... Как вы могли допустить, чтобы такое случилось с ребёнком? – всё-таки не удержался врач. – Я уже и в полицию заявил, там обещали разобраться. Жду их завтра.

Это было именно то, чего опасался Рамадан.

– Ах, вы в полицию заявили, – с насмешливой прохладцей протянул Рамадан. – Кстати, насчет полиции. У меня как раз с собой документы из полицейского отделения Лахора, включая разрешение на вывоз мальчика из Пакистана. Здесь же мой паспорт гражданина Египта, а вот это – официальный запрос из нашего посольства, утверждённый соответствующей организацией вашей страны. Это всё, что вам надо, чтобы вернуть мне ребёнка?

– Да, это всё, – растерялся доктор. – Но, может быть, вы всё-таки оставите мальчика здесь? Хотя бы на время? Ему надо подлечиться, – сделал последнюю попытку отбить ребёнка молодой врач.

– У меня билет на самолет, на двоих. Вы мне компенсируете стоимость билетов в Александрию? Или мне лучше обратиться за компенсацией в полицию? – Спрашивая это, Рамадан бил наверняка. Перелёт из Пакистана в Египет стоил дорого, и у молодого врача явно не было таких денег. К тому же на руках у Рамадана были все документы, подтверждающие его права на ребёнка, не говоря уж о поддержке полиции, которую Рамадан тоже явно держал на кармане.

– Ну, хорошо, – неохотно согласился врач. – Я приведу к вам Саба.

– Уж сделайте такое одолжение.

Доктор ушёл. Ожидая мальчика, Рамадан сидел, смотрел в окно и задумчиво хрустел пальцами. Когда мальчик переступил порог кабинета, Рамадан не услышал его: подросток двигался тише собственной тени.

– Вот, это Саба, – объявил врач. Рамадан повернулся на стуле. Мальчик, которого он искал, стоял, опустив голову. Окинув подростка внимательным взглядом, Рамадан отметил, что Саба вырос, вытянулся и возмужал. Под тонкой кожей мальчика перекачивались мускулы, хоть тело оставалось по-прежнему тонким и стройным. Зато над левой бровью, как и в детстве, цвели все те же родинки-точки. Расположение родинок напоминало навершие креста. Рамадан улыбнулся воспоминаниям и протянул мальчику руку. В ответ Саба медленно попятился назад и исподлобья, совершенно по-волчьи, взглянул на мужчину.

«А вот взгляд изменился, – отметил Рамадан и вздохнул: в глазах подростка больше не было солнца. – Ничего, со временем всё образуется, – утешил себя Рамадан. – В конце концов, Саба ещё совсем мальчик. Детям свойственно быстро забывать о плохом», – опрометчиво решил Рамадан и легко поднялся со стула.

– Да, это Саба, – подтвердил он. – Только у него такие глаза. Ba'ia! Спасибо и прощайте. А ты, Саба, следуй за мной. – Рамадан открыл дверь, выпуская подростка.

– Прощайте... И да поможет вам Аллах найти путь к сердцу этого ребёнка, – тихо прошептал доктор. Он, врач от Бога, хорошо знал, какой долгий и трудный путь ещё предстояло пройти Рамадану.

Через десять часов того же дня, сделав пересадку в Кувейте, Рамадан привёз Саба в Александрию. Всю дорогу мальчик молчал, но послушно выполнял все указания Рамадана.

– Ты не устал? – раз пять спросил Рамадан. Мальчик пять раз отрицательно покачал головой. – Есть или пить хочешь? – Мальчик два раза равнодушно согласно кивнул.

– Хочешь купить что-нибудь? Тут сувениры и игрушки, – сделал последнюю попытку разговорить подростка Рамадан, указав на пёстрые магазины с надписью «Duty Free». Мальчик один раз отрицательно покачал головой. Во второй раз – просто отвернулся. Наконец, такси, взятое в «Burj Al Arab» доставило Рамадана и Саба в Рамлех. Рамадан приветливо распахнул калитку родного дома.

– Давай, Саба, проходи, – гостеприимно пригласил он. Мальчик сделал свой первый шаг к дому по песчаной дорожке. А Рамадан с удовольствием вздохнул запах тамариска, олеандров и бугенвиллии и счастливо улыбнулся: он очень любил свой дом. Потом Рамадан поискал глазами подростка и отметил, что тот уже стоит на верхних ступенях широкого крыльца и равнодушно ждёт новых указаний. Стараясь подавить накопившееся раздражение, мужчина вздохнул и в два шага преодолел расстояние от калитки до места, на котором застыл Саба.

– Ты не против, если мы кое о чем поговорим? – спросил Рамадан, отпирая дверь дома. Мальчик кивнул.

– Это «да» или «нет»? – едко задал свой следующий вопрос Рамадан.

Мальчик отвёл глаза.

– Молчание – знак согласия, Саба. То есть «да», – процедил Рамадан и толкнул входную дверь. – Прходи прямо, там solar, гостиная. Устраивайся. Я приду через пять минут, и мы... – Рамадан запнулся, увидев, что мальчик, не дослушав его, отправился в указанную комнату.

«Так, всё, хватит. Пора это заканчивать», – решил Рамадан. Переступив порог гостиной, он увидел Саба, в этот раз застывшего столбом ровно на середине комнаты. Мальчик упорно продолжал смотреть вниз. Чертыхнувшись, мужчина со стуком поставил стул напротив упрямого подростка и сел.

– Саба, ты на арабском понимаешь? Ты говорить можешь? – Рамадан старался произносить слова размеренно и спокойно.

Подумав, мальчик утвердительно кивнул.

– Отлично. Второй вопрос: ты *меня* помнишь?

Саба медленно и отрицательно покачал головой.

– А ты помнишь Александрию, где ты вырос? – постепенно повышая голос, заговорил Рамадан. – Ты помнишь Рамзи? А абуну Марка? Того старика в монастыре, от которого тебя забрали? Ты вообще хоть что-нибудь помнишь про ту жизнь, что была у тебя здесь, а не там, в чёртовом Лахоре? – Рамадан пытался достучаться до подростка любыми средствами, любой ценой. Мальчик холодно покачал головой: он ничего не помнил. – Ладно. Тогда подойди ко мне. – Рамадан почти потерял терпение.

Но, вместо того, чтобы сделать шаг вперёд, мальчик отступил назад.

– Я сказал, подойди ко мне, Саба... Чёрт тебя побери, да подойди же ты ко мне, я не сделаю тебе ничего плохого. Подойди ко мне, я кому говорю! – Рамадан сорвался на крик.

Мальчик побледнел, закусил губу и поднял глаза на мужчину. Взгляды Рамадана и мальчика сцепились, как в поединке. Рамадан зло сузил зрачки. Мальчик стиснул зубы и, не отводя взгляда, медленно завёл левую руку вверх, сгрёб ворот майки, стащил её через голову и отбросил одежду в сторону.

– А... это еще что? – удивился Рамадан.

Оголив спину, подросток шагнул к мужчине и, по-прежнему глядя в его глаза, встал перед ним на колени. После этого Саба покорно опустил голову вниз. Вот тут-то Рамадан и увидел и ожоги, и «семёрку», что цвела на спине Саба. Рамадан ахнул. В ответ мальчик поднял на Рамадана холодные глаза. Правда, теперь к этому ледяному взгляду примешивались безысходная тоска, страх и лютая ненависть загнанного в ловушку зверя.

«Я готов к пытке, господин. Правда, это будет в последний раз», – пообещал себе мальчик.

– Ты... О господи... Да что же это такое? – выдохнул Рамадан.

Мальчик промолчал, продолжая разглядывать искажившееся лицо мужчины.

– Что с тобой сделали? Что *ты* делаешь? Говори!.. Да ответь же мне, наконец, – возмущился Рамадан.

– Что я должен сказать, хозяин, чтобы ты не бил меня? – Слова, произнесенные голосом, мёртвым, как лед, упали в звенящую тишину комнаты.

– Боже мой, да что же это... – прошептал Рамадан и рухнул на колени напротив мальчика. Он попытался прижать подростка к себе. Но у Рамадана не вышло: Саба отшатнулся и осел на пятки. Руки мальчика непроизвольно сжались в кулаки. Мальчик явно готовился к драке. Рамадан вздохнул и попытался взять ситуацию под контроль.

– Прости, я не сдержался, – покаялся он. – Я не хотел напугать тебя или обидеть... Ты... ты прости меня, ладно?.. Всё, отдыхай. После поговорим, – и Рамадан поднялся, желая только одного: уйти, убежать, но больше никогда не видеть этого мальчика.

– Кто вы? – остановил его хриплый голос подростка. Рамадан замер, а мальчик задал следующий вопрос: – И кто вам *я*?

Рамадан подумал и опустился на корточки напротив подростка. Золотые цепкие глаза осторожно заглянули в синие. Мальчик явно ждал ответ на свой вопрос. Но в глубине глаз цвета лазури Рамадан разглядел то, что скрывала израненная детская душа: надежду и несокрушимую жажду жизни.

И Рамадан принял решение и произнес:

– Я – твой отец. Твоё настоящее имя – Лейс Эль-Каед. Больше я никогда тебя не оставлю и никому тебя не отдам... А теперь вставай. Мой сын никогда и ни перед кем не должен вставать на колени.

Рамадан протянул мальчику руку, но тот, не сводя с него глаз, сам поднялся на ноги. Через много лет Рамадан узнал, что в тот миг он, Рамадан, как никогда, был близок к смерти.

В ноябре 1996 года мальчику исполнилось четырнадцать лет. Рамадан зовёт его Лейс. Лейс живёт в Рамлехе, в доме, где у него есть своя уютная, большая и светлая комната. И всё же мальчик по-прежнему спит только в одежде, никогда не поворачивается к незнакомцам спиной и не выносит ничьих прикосновений. Сегодня Лейсу снова приснился кошмар, и он дрожит, сидя в углу мокрой от пота постели.

– Расскажи мне о своих снах, habibi, – попросил Рамадан, прибежавший на дикие крики сына.

– Не надо, не спрашивайте. Я не могу, – Лейс забился в угол.

– Если мы не справимся с твоими кошмарами, Лейс, то они сожрут тебя заживо. Поверь, я знаю, о чём говорю.

Мальчик вскинул на мужчину удивлённые глаза:

– Вы знаете? А откуда?

– Ну, то, что происходит сейчас с тобой, происходило со всеми, кто хоть раз был на войне или в плену... Я тоже прошёл через это. – Лейс отвернулся. Рамадан спокойно продолжил: – Лейс, я действительно хочу тебе помочь. Но для этого я должен знать о тебе всю правду. Даже самую горькую... Расскажи мне, что с тобой произошло? Как ты жил девять лет? Что случилось той ночью в Лахоре? Почему тебя нашли у порога больницы? Где ты взял нож? Ответь мне, сынок. Я сделаю всё, что угодно, пойду на любое преступление, чтобы защитить тебя, но я не смогу помочь тебе, если я не узнаю правды... Так помоги мне! – Последнее прозвучало, как мольба. Мальчик промолчал. Мужчина сидел и мучился в ожидании ответа.

«Выпороть его? Наказать? Наорать? Всё равно не поможет – Лейс и худшее видел», – думал Рамадан.

– Хорошо, я расскажу вам, – в конце концов, сдался Лейс. – Но за это вы выполните одну мою просьбу, ладно? – И с этими словами Лейс впервые исполнил для Рамадана свой фирменный трюк: склонив к плечу голову, он улыбнулся. Поражённый до глубины души Рамадан уставился на подростка. Пятнадцать лет назад Рамадан уже видел подобный жест, а этот мальчик воспроизводил его идеально.

– Я сделаю всё, что ты хочешь, – потрясённо прошептал Рамадан. И опрометчиво добавил: – Я тебе обещаю.

– В таком случае, найдите мне такого врача, который знает, что внутри у каждого человека. Ну, всякое там... нервы, кости, сухожилия...

– У тебя что-то болит, Лейс? Давно? – встревожился Рамадан. – Что же ты раньше молчал? Где у тебя болит?

– У меня ничего не болит, – Лейс смотрел непреклонно.

– Тогда зачем тебе врач? – не понял Рамадан. Подросток нетерпеливо вздохнул, поражаясь недогадливости взрослого.

– Ну, не всегда же можно раздобыть для защиты нож, так? – начал он.

– Так... Ну и что же? – Рамадан всё ещё не понимал.

– Ну, вот я и хочу, чтобы врач объяснил мне, как можно убивать людей голыми руками. Зная, как устроены люди, я же смогу это делать, чтоб защитить себя?

Когда к Рамадану вернулся дар речи, он кивнул:

– Хорошо, Лейс. Я найду тебе доктора. Найду самого лучшего. – Про себя Рамадан уже решил показать мальчика психиатру. – А теперь расскажи мне всё, что я хочу знать.

Смирившись с неизбежным, мальчик коротко вздохнул и неохотно заговорил. Он рассказал Рамадану всю длинную историю своей короткой жизни. Когда он закончил, Рамадан опустил в ладони лицо и впервые за много лет заплакал.

– Abu? – услышал Рамадан неуверенный, хриплый голос подростка. – Abu... ну не надо. Ну не плачьте. Не плачь, – неловко произнёс Лейс и осторожно взял Рамадана за локоть. Глаза у мальчика были сухими. – Папа? – впервые в жизни прошептал ребёнок.

– Всё хорошо, Лейс, Прости меня, мальчик, за то, что я оставил тебя. Сам себе я этого никогда не прощу, – выдохнул Рамадан и, забыв обо всём на свете, рывком притянул к себе мальчишку. Ледяной мальчик на мгновение съёжился в горячих руках Рамадана, а потом лёд начал таять. Рамадан неуклюже гладил приёмного сына по волосам, отмечая странный, почти серебристый блеск прядей русого цвета. В голову Рамадану пришла невольная мысль. Он нахмурился, осторожно накрутил на свой палец белый локон сына, поднёс его к глазам – и, наконец, понял всё. Волосы Лейса не выгорели на солнце, как уверял врач – за девять лет плена и боли они стали седыми...

Прошло три года. За это время Лейс полностью наверстал школьную программу, в ноябре ему исполнилось семнадцать лет, и Рамадан вручил ему долгожданный подарок. Это была доска для серфинга и оплаченные уроки у лучшего тренера на Шатбу. Тренера звали сеньорита Амада Альварес.

– Это чтобы ты по городу без дела не болтался, – вручая подарок сыну, усмехнулся Рамадан, заметив, как при виде доски разгорелись синие глаза Лейса.

Занятия продолжались целый год, пока в одну из ночей Лейс не был приглашен в шикарный люкс «Монтаза» – пятизвездочного отеля Александрии. И вот теперь под Лейсом в темноте страстно извивается женщина. Ей – двадцать пять, она испанка и её зовут Амада Альварес. Подводя слияние к финалу, Лейс переносит вес тела на локти и мягко опускается на женщину. Глаза юноши мерцают в темноте: Лейс пытается определить, что нравится женщине больше, что – меньше.

– Те quiero, ах... да, вот так, именно так... чудесно... Как ты так чувствуешь меня? Ты – моё маленькое чудо. – Восхищённая Амада стонет и обнимает Лейса. Влажные ладони женщины скользят по его изящной спине. Секунда – и мягкие женские пальцы нащупали и шрамы, и ожог. Мгновение изучения, и женщина испуганно ахнула, выбиваясь рывками из-под Лейса.

– ¿Qué es esto? Это что? – в ужасе закричала Амада.

– Шрамы, так – ничего особенного, – ответил Лейс, недоумевающая, и снова потянулся к женщине. – До тебя этого никто не замечал... Ну хватит, иди сюда.

– No. Нет. Сначала включи свет и покажи мне то, что у тебя на спине, – потребовала Амада. Лейс выполнил её просьбу. – Фу, гадость. Мерзость. Грязь... Уходи, – брезгливо бросила женщина. Впрочем, тем же вечером сеньорита Альварес сама нашла Лейса на пляже, когда тот сидел на песке и задумчиво разглядывал звёзды. Женщина звала Лейса к себе в номер и начала раздеваться.

– А как же шрамы? – не хуже Рамадана прищурился его сын.

– No se preocupe, не забивай себе голову. Просто я испугалась, – легкомысленно призналась женщина и улеглась в постель.

– Ах, ну да, – кивнул Лейс. – Так что, ты хочешь продолжения?

– Si. Por favor. Я тебя люблю. Пожалуйста, прости меня. Иди сюда, мой любимый, мой красивый, мой маленький мальчик...

В комнате повисла гнетущая пауза.

– Ты что? – удивилась женщина, заметив, как помертвело лицо юноши.

– Ничего, так... Просто дурные воспоминания о некоторых манипуляциях... А что касается тебя, моя дорогая, то повернись ко мне спиной. Ага, просто отлично. А теперь встань на локти и на колени. Прогнись и замри. Ты ведь любишь поиграть в игры? Сейчас поиграем. – Лейс порылся в ящиках прикроватной тумбочки и выудил на свет четыре гибких лиша – шнура, при помощи которого Амада крепила к своей ноге доску для серфинга.

– Но – вдруг мне не понравится? – застыдилась женщина.

– Не переживай, понравится, – на губах Лейса заиграла глумливая улыбка, – что-что, а это я тебе обещаю.

И он был прав: Амаде, любительнице скоростного серфинга и жёсткого секса, это очень понравилось. Ей не понравилось после, когда Лейс оставил её связанной, в той самой позе, в которой она приняла его. Покинув Амаду, прикрученную к кровати, не взирая на её крики, проклятия, мольбы и просьбы, Лейс преспокойно оделся, спустился вниз и вызвал в номер женщины бригаду «скорой помощи». Подумав, Лейс отправил туда же, в номер Амады, ночного портье из отеля с двойной порцией коктейля «Секс на пляже». В самый разгар скандала, Лейс с его злорадной ухмылкой был уже далеко. Что до Амады, то сеньорита Альварес больше никогда не приезжала на Шатбу.

Через год, 26 апреля 2000 года, одетый в парадный мундир *fariik* – именно так на арабском звучит звание генерала-лейтенанта египетской армии – Рамадан сидел за письменным столом своего кабинета, в доме, в Рамлехе. Перед Рамаданом лежало личное дело Рамзи Эль-Каеда, открытое на странице с его биографией и послужным списком. С фотографии, приклеенной к делу, на Рамадана смотрело ещё совсем молодое, улыбчивое лицо с яркими, живыми глазами. Но Рамадан глядел не на карточку Рамзи, и не на лист чистой белой бумаги, который ждал его заключительного слова, а в окно. Там, за калиткой дома, Рамадан видел два автомобиля. Один – служебный, с водителем, готовым отвезти его и Лейса в Управление расследований государственной безопасности Египта, второй – чёрный джип обязательного сопровождения. Рядом с охраной стояли и спорили двое.

Это были юноша и девушка: восемнадцатилетний, повзрослевший и сильно вытянувшийся вверх Лейс, и абсолютно не знакомая Рамадану новая подружка его сына. Рамадан задумчиво оценил мимику на лицах этих двоих: холодное, непроницаемое лицо Лейса, который глядел на девушку озадаченно и зло, и печальный, словно молящий взгляд, девушки. Смотрелась молодая пара странно. Лейс был одет в строгий чёрный костюм с чёрным галстуком и белой рубашкой, а на девушке красовалось кокетливое нарядное лёгкое летнее платье. Лейс нервно грыз губы и изредка отрицательно качал головой. Девушка о чём-то жалобно его молила и всё пыталась прикоснуться к нему. Но как только девушка дотронулась до плеча Лейса, тот быстро перехватил руку подружки и, бросив косой, настороженный взгляд на открытое окно кабинета Рамадана, потащил девушку за калитку.

«Ну, всё понятно. Лейс снова пытается отделаться от очередной девчонки, а та говорит, что хочет остаться с ним. Интересно, и когда только всё это закончится?..» – Тяжело вздохнув, Рамадан перевёл взгляд на белый лист незакрытого дела Рамзи.

« – Мой сын не умеет ни любить, ни прощать, – сказал Рамадан Рамзи два года назад, оповестив того о жестокой выходке Лейса с испанкой.

– Твой сын умеет и любить, и прощать больше, чем ты думаешь, – упрямо возразил тогда Рамзи. – Не будем осуждать сеньориту Альварес, тем более что она своё уже получила... А что касается Лейса, то ты должен понять то, что однажды понял и принял я: твой сын никогда не будет таким же, как все его сверстники. То, что считается нормальным для нас, скажем так, *нормальных* людей, для Лейса определяется совершенно другими критериями. Из-за того, что случилось с ним в детстве, твой сын не рос как нормальный ребёнок. Нормальные дети ищут любви и объятий. А первым человеком, признавшимся Лейсу в любви, был его хозяин.

Вакас своей любовью поставил его на колени. Из-за этой любви Лейс девять лет был постоянно настороже, попеременно испытывая страх, боль, любовь, ненависть и унижение. А в перерывах между болью и страхом его, ребёнка, всегда с удовольствием жалели женщины, присланные Саидом... Фактически, все девять лет Лейс был игрушкой в чужих руках. Ты никогда не задумывался над тем, что у Лейса просто не было детства? И теперь это детство возвращается к нему... Пойми, брат, в теле твоего, уже взрослого сына, болтается душа так и не выросшего, не прожившего детства, мальчишки. И этот мальчишка – любознательный, упрямый, сметливый, но – очень честный.

Тогда Рамадан улыбнулся, но спрятал глаза. Рамзи фыркнул, правильно оценив реакцию старшего брата:

– Рамадан, ты хоть понимаешь, почему Лейс ведёт себя именно так? Если подросток постоянно напуган, он вырастет ожесточенным. Если мальчишка одинок, то он будет искать приятелей. Но если ребёнок постоянно испытывает боль и страх, то он, скорее всего, вырастет садистом. И Лейс почти дошёл до этой, последней черты. В тринадцать лет его сверстники всю выплёскивали эмоции: ходили в школу, играли в футбол, дрались. А Лейс в этом возрасте стал экспертом по всем видам страха, любви и боли... А когда любовь проиграла, а страх победил, Лейс взял в руки оружие и убил человека. Зачем, по-твоему, Саид отдал Лейса Вакасу, зная о противоречивых наклонностях этого «учителя»?

– Сконструировать Стокгольмский синдром? – предположил тогда Рамадан. – Но ведь, несмотря на популярность этого заезженного термина, синдром выживания заложника на практике встречается крайне редко.

– Да, всего лишь в восьми процентах на тысячу двести случаев. И выражается это не так, как привыкли думать мы, вполне нормальные люди. Помнишь, Рамадан, Лейс рассказывал, что когда террористы совершают налёт, они не сразу убивают мужчин и женщин, а сначала отделяют детей от взрослых и требуют, чтобы дети указали боевикам, кто их родители? Перед тем, как увести детей с собой, террористы заставляют детей убивать отца, мать, брата или сестру. Это – как скрепление сделки с дьяволом. Как гарантия того, что ребёнок никогда не сможет заставить себя вернуться домой, потому что чувство вины перевесит чувство страха... У Лейса не было родителей, которых можно было убить. И Саид сделал так, чтобы Лейс искал любви у хозяина. Саид знал: для того, чтобы забрать себе душу мальчика, ему нужно будет заставить Лейса убить того, кого он любил, к кому привязался... К сожалению, расчёт Саида во многом оправдался. Вот это и был Стокгольмский синдром. И выразился он в том, что жертва – а Лейс был именно жертвой – оправдывала все действия своего хозяина, одновременно любя и ненавидя его. А потом у Лейса возникла эмпатическая связь с агрессором, и эффект оказался взаимным. Поэтому-то Вакас и открыл Лейсу правду о том, как его зовут, не взирая на то, что Лейс убивал его. Вакас велел Лейсу уходить только потому, чтобы этот мальчик, которого он – пусть, и своеобразно – но любил, никому не достался... Вакас проклял Лейса, чтобы тот никогда не смог вернуться к Саиду. И это было лучшее, что Вакас сделал для него... Однако, убив Вакаса, и позже, выживая в Лахоре, спасаясь от преследовавшего его Саида, мальчик оказался один на один со своей болью. Он пережил своё раскаяние и вину сам, один... А потом в жизнь Лейса ворвался ты, Рамадан – ты, который много лет назад его бросил. Ты, которого Лейс, возможно, когда-то винил за всё, что с ним было... Да, у тебя была причина уехать от четырехлетнего малыша: ты выполнял свой долг, а я, как твой телохранитель, выполнял свой. Но факт остаётся фактом. Ты и я – мы оба его бросили. Но самое ужасное, что если бы нам с тобой был снова предоставлен выбор, то мы бы – и ты, и я – снова выбрали бы свой долг. А твой сын понял это и принял. И никогда, ни разу, ни одним словом не упрекнул ни тебя, ни меня, что мы его попросту предали... Лейс сделал то, что не смог когда-то сделать ты, Рамадан: Лейс простил тебя. И ты говоришь, что твой сын не умеет ни любить, ни прощать? Тогда что же тогда вообще любовь и прощение?..».

Рамадан потёр ладонью ноющую левую сторону грудной клетки и медленно встал. Оправил мундир и шагнул к окну. Служебная машина и джип сопровождения всё также стояли там, перед его домом, всё с тем же спокойным терпением дожидаясь его, высокого вершителя судеб. Охрана не волновалась: в распоряжении господина генерала-лейтенанта Рамадана Эль-Каеда была ещё четверть часа. Рамадан пригладил припорошенные снегом виски и поискал Лейса глазами. Теперь подружка Лейса плакала навзрыд, а Лейс, склонив голову вниз, продолжал упрямо грызть губы.

«За что же такая жестокость?», – прочитал Рамадан по губам девушки.

« – Ты знаешь, Рамадан, что больше всего удивляет меня в Лейсе? – две недели назад спросил брата Рамзи.

– Даже не представляю, – усмехнулся тогда Рамадан.

– Умение сочетать несочетаемое. Демоны Лейса мирно уживаются с его ангелами. Однажды это помогло Лейсу выжить... Рамадан, запомни это и никогда не меняй своего сына. Пусть Лейс остаётся таким, какой он есть – человеком, в котором есть и всё хорошее, и всё дурное. Однажды всё это понадобится ему, когда наступит его «миг кайрос». Лейс слишком любит жизнь и не принимает смерти. А значит, он всё ещё терзается страхами прошлого.

– А что, у Лейса есть страхи? У меня такое ощущение, что он у нас вообще ничего не боится, – улыбнулся тогда Рамадан.

– А разве Лейс никогда не рассказывал тебе о том, что он чувствует запахи? Есть у него такой дар. И если жизнь для него пахнет морем и солнцем, то смрад страха Лейс отождествляет только с запахом крысы... Ты помнишь, как приехал за Лейсом в Лахор, Рамадан? А знаешь, почему Лейс тогда позволил тебе увезти его из больницы? Он собирался выбраться из Пакистана любой ценой, лишь бы больше не быть ничьей крысой. Но ты насильно привёл его в свой дом, и Лейс решил, что ты – его новый хозяин. Тебе никогда не приходило в голову, Рамадан, что Лейс собирался убить тебя? Ведь, ненавидя свой страх, Лейс был готов покарать тебя за то, что ему снова пришлось встать на колени. Но ты назвал мальчика сыном, и это спасло вас двоих... А помнишь, как ты искал врача для Лейса? Я рад, что тогда ты позволил мне привезти в Александрию доктора, который нашёл мальчика на пороге больницы в Лахоре. И я рад, что ты разрешил врачу заняться психикой Лейса... Ты помнишь, Рамадан, что сказал нам этот врач перед своим отъездом? Душа Лейса похожа на его спину. Там слишком глубокие раны, но если наложить швы, то это ограничит движения Лейса. И что полное выздоровление твоего сына наступит в тот день, когда Лейс убьёт в себе страх крысы.

– Ты всегда был мудрее меня, Рамзи, – вздохнул тогда Рамадан.

– Нет, я не был мудрее. Просто ты всегда любил мать этого мальчика, а я любил Лейса. С первого дня, как увидел этого мальчика, я принял его и полюбил.

– Но я тоже люблю своего сына, – возразил Рамадан.

– Нет, брат. Ещё нет. Пока ты не любишь его. Но однажды придёт день, и ты увидишь своего сына не глазами, а сердцем, и поймёшь, что такое любовь к детям. Так мой отец любил меня и моих старших братьев. Детей только так и любят, Рамадан. Это – настоящая любовь, которая не проходит вечно».

Рамадан перевёл задумчивый взгляд на окно. Лейс и девушка расставались. Девушка ещё плакала, но уже была готова отпустить Лейса. И Лейс в ответ улыбнулся ей той самой улыбкой, которая могла ночью солнце зажечь.

«У Лейса улыбка, как у *той женичины*», – Рамадан вздохнул и перевёл взгляд на часы: время мудрости вышло. Пришло время отдать последний долг. Рамазан взял ручку, придвинул к себе личное дело Рамзи и дописал: «Телохранитель президента Мубарака, полковник „Аль-Мухабарат“, Рамзи Эль-Каед (родился 24 апреля 1960 года) был убит 25 апреля 2000 года, когда закрыл собой президента».

Прошло десять лет. К 2011 году Лейс получил диплом с отличием магистра наук в области психологии, потом генетики. Он сдал экзамены в Оксфордский университет, переехал в Лондон, опубликовал в специализированных научных журналах несколько статей и вплотную приблизился к получению PhD – следующей за магистром научной степени. В день, когда Лейсу исполнилось двадцать девять, к нему пришла настоящая беда. Сбежав из Оксфорда в Лондон, а оттуда в Каир, Лейс гнал мотоцикл по трассе на скорости, смертельной для этой дороги. Преодолев расстояние от аэропорта до города в рекордно-короткий срок, Лейс бросил чёрный, как сажа, «Harley» у массивных чугунных ворот и, раздавая тумачи направо и налево, буквально прорвался в Госпиталь Вооруженных Сил – одно из самых охраняемых в Каире учреждений. Охрана попыталась перехватить Лейса, когда тот, не дожидаясь ни пропуска, ни офицера сопровождения, перекинул через турникет длинные ноги и вихрем понесся вверх по лестнице. В итоге, солдаты охраны скрутили Лейса только на втором этаже, уже на пороге операционной. Лейс всё ещё вырывался из их рук, когда врач, проводивший операцию, диагностировал у Рамадана остановку сердца. Услышав страшный приговор, Лейс немедленно замер и поднял руки вверх. Охрана отступила, но замерла, ожидая любого подвоха.

– Non. Не надо, не трогайте его. Это – сын того, кого сейчас оперируют. Господин Эль-Каед предупреждал, что его сын приедет к нему и может... excusez-moi, вести себя не совсем по правилам, – вмешалась юная медсестра. Охранники переглянулись и взяли Лейса в плотное кольцо. В это время загнанный в угол Лейс сумасшедшими от страха глазами искал врачей. Но докторам не было никакого дела до этого мальчишки. Все их силы были брошены на то, чтобы вывести Рамадана из терминального состояния. Поняв, что помощи ждать неоткуда, а охрана его не пропустит, Лейс развернулся так, чтобы видеть операционную.

– Дыши, папа! Дыши, дыши! – произнёс Лейс. Он, отличник кафедры медицины, прекрасно знал о том, что сейчас происходит в операционной. Пока врачи делали Рамадану массаж сердца и искусственную вентиляцию легких, Лейс считал про себя секунды. С момента остановки сердца Рамадана прошла уже минута.

– Папа, не оставляй меня, – едва слышно шепчет Лейс. Там за дверями, врачи по-прежнему борются за жизнь Рамадана. Электрическая дефибрилляция, стимуляция сердца – и опять ничего. Лейс считает секунды. Пошла уже вторая минута.

– Папа, вернись, – беззвучно просит Лейс, без сил прислонившись спиной к стене. Он знает: у Рамадана уже началась аноксия⁵.

«Мы теряем его, – доносятся из операционной голоса. – Реанимация невозможна: он уходит». С последними словами врача Лейс безвольно сполз по стене и закинул вверх голову.

– Qu'est-ce que c'est? Вам плохо? – кинулась к Лейсу юная медсестра. Эту девушку, которая хочет ему помочь, зовут Шари. Шари отпихивает от Лейса охранников и тянет к нему ладони. Дотрагивается до плеча Лейса: – Пожалуйста, послушайте. S'il vous plaît, écoutez-moi, – сбиваясь с арабского на французский, Шари пытается утешить Лейса.

– Оставь меня в покое. Не прикасайся ко мне! – с ненавистью глядя на девушку, рявкнул Лейс. Француженка в страхе попятилась. Переглянувшись, охранники шагнули вперёд, смыкая ряды плотнее.

– Non, s'il vous plaît. Не надо, – опомнившись от обиды, кинулась к ним Шари. Лейс сглотнул и закрыл глаза, отгородившись разом и от глупых охранников, и от навязчивой медсестры. Они – чужие для него и живут в своём мире. А у Лейса есть своя причина быть здесь: он хочет, чтобы Рамадан вернулся, и чтобы мир, в котором он обрёл себя, снова стал прежним. Старинная молитва, которой учил его отец Рамзи, абуна Марк, неожиданно вернулась к Лейсу, и Лейс произнёс первые слова христианского Символа Веры: «Верую в Единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым... Я прошу Тебя: заведи

⁵ Отсутствие снабжения органов человека, в частности головного мозга, кислородом.

мою жизнь. Дни, годы – всё заberi. Только верни мне папу... Ну пожалуйста», – совсем уж по-детски добавил Лейс. Мучительное ожидание – и ничего. Только медсестра спорит с охраной.

– Есть Ты – или нет, скажи? – шепчет Лейс. – Скажи мне, как мне вымолить у Тебя всего одну жизнь? Пожалуйста, ну ответь мне. Ну хочешь, заberi мою. Только верни мне отца... Я прошу Тебя.

Разряд. Ещё разряд. И – ничего. Приборы замерли: у Рамадана – остановка сердца. Лейс знает, что ситуация критическая: ровно через сто секунд у Рамадана начнется процесс декор-тикации. Это – необратимая гибель коры головного мозга, за которой неминуемо наступает смерть.

«Ты, ну пожалуйста, ну услышь меня. Да, я к Тебе взываю – я, тот, кто убил. Но Ты же не хочешь слышать убийц... Так как же тогда мне до Тебя докричаться?»

Лейс прислушался. В операционной тихо. Рамадан умирал. И Лейс, сам не зная зачем, упал на колени:

– Я каюсь. Я верю. Я люблю. Я прошу: *просто яви мне чудо...*

– Сердце запустилось, – кричит пораженный врач. Лейс вздохнул, открыл глаза и устало осел на пол. Он поморщился, увидев охранников и медсестру, которые изумленно на него взирали. Лейс выругался и быстро встал на ноги.

– Как... как вы это сделали? – первой пришла в себя медсестра.

– Я? Я сделал? – холодно усмехнулся Лейс. – Ты, *cherie*, ошибаешься. Я ничего не делал... Пойди холодной водички попей, а то на тебе лица нет, – едко посоветовал Лейс. – Только сначала ответь на мой вопрос: кто в этой идиотской лечебнице занимается реконструкцией клапанов сердца? Ну, быстро? Или мне на французском тебя спросить?

– Главный врач. Это – мой отец. Его кабинет на третьем этаже... *Laissez-moi...* я могу показать вам, и...

– Спасибо, не трать зря силы. Сам найду. – Лейс развернулся и, раздвинув онемевшую охрану, быстро пошёл к лестнице.

– Подождите, вы – врач? – крикнула ему вслед девушка. Не оглядываясь, прямо на ходу Лейс молча вскинул вверх руку, сжатую в кулак, и разогнул средний палец. Охранники захотали и, переглянувшись, потопали следом за Лейсом. Шари осталась одна, тоскливо взирая вслед уходящему юноше.

«Какие странные у него глаза, – думала она. – Холодные, как сталь. И абсолютно серые...».

В ноябре 2012 года Лейсу Эль-Каеду исполнилось ровно тридцать. Он и Шари идут вдвоём по песку александрийского пляжа. Средиземное море медленно ворочается во сне. В красном закате море кажется не бирюзовым, а чёрным. Лейс остановился и закинул голову вверх, с интересом разглядывая звёздное небо. Шари подошла и спрятала лицо у него на груди, с ласковым собственничеством обхватив Лейса за шею.

– Я так люблю тебя, – нежно прошептала девушка.

– Мне тоже хорошо с тобой, – улыбнулся Лейс.

Девушка прижалась ближе:

– Саба, тогда, пожалуйста, скажи мне, а почему, когда ты со мной, то... ну, ты устраиваешь меня так, чтобы я не смогла видеть твою спину?

– Как сейчас? – поддел её Лейс.

– Non, нет. Ты всё шутишь. А я говорю серьёзно... *Puis-je voir*, то есть можно, я посмотрю, что ты скрываешь? – Шари смущённо глядела на Лейса, но в её тёмных глазах был вопрос. Лейс внимательно посмотрел в смуглое лицо девушки. Та, стараясь сгладить неловкость просьбы, потянулась к его губам. Лейс отстранился, отступил на шаг, завёл назад руку

и сгрёб в кулаке ворот футболки. Стащил её через голову и повернулся к Шари спиной. Он замер, когда девушка прижалась к рубцам щекой, разглаживая пальцами шрамы.

– Как же такое можно вынести? Кто же сделал такое? Лейс, я так тебя люблю, – услышал он голос Шари и почувствовал влагу её слез. – Je suis fou de toi. Я тебя обожаю. Все эти шрамы не важны. Просто... просто мне... мне так тебя жалко.

«И действительно, quel dommage – жалость-то какая», – помедлив, Лейс высвободился из рук девушки и натянул футболку.

– Шари?

– Да?

– Давай всё закончим. Прямо здесь и сейчас.

– Vous plaisanter sans doute. – Девушка моргнула. – Я не понимаю. Почему?

– Потому что я тебя не люблю.

«Потому что мне не не нужна твоя жалость...»

Прошло два года. В ноябре 2014 года Лейсу исполнилось тридцать два. У него – светлые русые волосы, загорелое лицо двадцатипятилетнего юноши и спокойный взгляд стальных серых глаз, точно время их заморозило. Лейс и Рамадан сидят на перевернутой лодке на пляже египетского курортного городка Бур-Сафага. Перед ними Красное море, спорящее с сильным ветром. Битва двух стихий – воздуха и воды – рождает идеальные для серфинга волны.

– Папа, я послезавтра уеду. А у тебя есть виза в Англию. Может быть, ты поедешь со мной? Осмотришься там. Потом насовсем ко мне переберёшься. У меня в Оксфорде квартира, и тебе там обязательно понравится, – в сотый раз за последние десять лет предлагает отцу Лейс. Рамадан недовольно поморщился:

– Нет уж, сынок, спасибо. Я, конечно, уже на пенсии, и, как человек свободный, теперь волен сам выбирать, куда и когда мне ехать. Но у меня дом в Александрии. Налаженный быт. Да и Шари меня навещает. А что касается тебя, то тебе нужен не я, старый отец, а жена и дети.

Лейс скривился:

– Ой, па, только не начинай! Ну, какие опять «жена и дети»?

– Так, я не понял: ты собираешься прожить всю жизнь один? – поднял бровь Рамадан.

– А чем, прости, это плохо? Ты же так живешь, – Лейс фыркнул.

– Я не «так живу», – спокойно возразил Рамадан. – У меня есть сын – это ты. А у тебя, кроме меня, никого нету... Неужели ты до сих пор терзаешься из-за прошлого? Забудь, его, Лейс: тебе давно не четырнадцать.

Лейс помолчал, потом невесело хмыкнул:

– Да я и так почти все забыл... По крайней мере, я очень на это надеюсь.

– В таком случае, почему ты не хочешь создать семью? – не сдавался Рамадан.

– Времени нет, – и Лейс пожал плечами.

– Вот как? И чем же таким, прости, ты занят в своём Оксфорде, что у тебя нет времени, чтобы создать семью?

– А ты-то как сам думаешь? – Лейс усмехнулся.

– Ну, ты занимался неврологией... психиатрией... то есть психикой, – Рамадан осторожно подбирал слова.

– Не совсем так, хотя я понял, куда ты клонишь, папа. – И Лейс забавно улыбнулся, показав острые белые зубы. – Спасибо, конечно, за твоё волнение обо мне, но я здоров. И даже очень неплохо себя чувствую. – Рамадан почувствовал, как краснеют его щеки. – Скажи, па, а ты веришь в бессмертие? – как ни в чем не бывало продолжил Лейс.

– Что? – Рамадан подумал, что Лейс шутит.

– Понятно, – вздохнул тот. – Ладно... Я расскажу тебе о своей работе, но предупреждаю: пока этот проект находится под секретом.

– Ах, ну да, ну естественно... ну как же иначе-то? – Рамадан иронично покачал головой. Лейс стрельнул глазами в сторону отца и напрягся. – Ну ладно... ну хорошо, извини, – отметив реакцию сына, тут же поправился Рамадан. – Я тебя слушаю... Да не смотри ты на меня таким ястребиным взглядом! Мне правда интересно, чем ты занимаешься, я тебе серьезно говорю.

– Ладно, расскажу, – с легкой обидой повиновался Лейс. – В общем и целом, твой скептицизм, па, мне вполне ясен. Я для тебя мальчишка, который пока не наигрался. Хорошо, пусть так. Пока оставим это. Но прежде, чем мы перейдём к сути дела, позволь мне начать с небольшого вступления... Итак, во все времена существовало такое понятие как чудо исцеления. Как это чудо происходило, ты себе представляешь?

«О, а вот это нечто новенькое», – улыбнулся про себя Рамадан, но, перехватив сердитый взгляд Лейса, решил объясниться.

– Ну, святой или праведник прикасался рукой к страждущему и исцелял его, или же больной сам исцелял себя молитвой, – начал Рамадан. – Когда это чудо происходило, слепой начинал видеть, глухой – слышать, немой – говорить, а парализованный – двигать конечностями. Вот только случалось это не со всеми, а только с избранными.

– Ага, – без улыбки кивнул Лейс. – Так объясняет чудо церковь и все нормальные люди. Это объяснение можно принимать или не принимать, здесь всё зависит от степени веры. Однако примерно лет семьдесят назад учёные смогли объяснить чудо исцеления.

– Иконы просвечивали? – с прохладцей осведомился Рамадан. Ему перестал нравиться разговор, затеянный его сыном.

– Нет, па, не так. Учёные исследовали клетки мозга человека, – парировал Лейс. – Благодаря исследованию десятка клинических случаев и экспериментам учёными было выявлено, что мозг человека гибок и способен менять свою карту под воздействием критических обстоятельств. Обычно это происходило так: получая приказ – или, лучше сказать, определенный код – алгоритм, переданный набором слов или прикосновением, или же собственной волей больного – мозг больного активизировался и лечил поражённый участок тела. Но установить, что именно в организме человека отвечало за этот процесс, до сего дня выяснить не удавалось. Проблема в том, что стороннее вмешательство в мозг часто влечёт за собой роковые последствия или вообще смерть пациента. Над загадкой исцеления, бились много лет, пока в 1982 году английский биолог по имени Ричард Докинз не предположил, что эту функцию выполняет связь генов и мемов.

– Ну, про гены мне известно, это нечто, что определяет наследственность, – кивнул Рамадан. – А что такое мемы?

– К этому мы сейчас подойдём, но сначала давай определимся с терминологией. Твое определение генов верно... на любительском уровне, – Лейс смущенно потёр нос. – Впрочем, говоря по совести, ты не так уж и не прав, па, – признался он. – К тому же у самих учёных длительное время тоже не было однозначного понимания, что такое гены. Всего пару лет назад современная молекулярная биология установила, что гены – это определённые участки ДНК, которые несут в себе целостную информацию о трёх основных макромолекулах. Я имею в виду ДНК, РНК – то есть рибонуклеиновую кислоту, и белок. Все три компонента есть в клетках всех живых организмов, которые только существуют на этой планете... Так вот, возвращаясь к гипотезе Докинза. При изучении особенностей генов Докинзу пришла в голову мысль, что фенотопические характеристики гена – или характеристики, присущие индивидууму на определенной стадии развития – не ограничиваются организмом одного живого существа, а могут простираются и на другие организмы, с которыми взаимодействует это существо. Иными словами, один организм – или в нашем случае, человек – может передавать информацию и другим индивидуумам. – Рамадан выпрямился, наконец, осознав, что Лейс не шутит, а рассказывает ему нечто вполне реальное. – За такой вот «социокультурный» обмен информацией между генами как раз и отвечают наши мемы, – продолжил Лейс. – Но если ген использует химические

вещества для размножения или собственного деления, то есть копирования самого себя, то мемы распространяются в информационной среде... Таким образом, для науки чудо исцеления выглядит так: мем, отправленный одним человеком, заставляет ген другого человека работать – в нашем случае, лечить больной организм и... или вообще, продлевает жизнь человека.

– И у вас, учёных, уже есть этому конкретный пример, да? – Рамадан был настроен скептически.

– Да, есть, – серьёзно кивнул Лейс. – Я лично был свидетелем чуду исцеления.

– Это когда же? – поднял бровь Рамадан.

– Три года назад, когда я... то есть не я, а один врач заставил биться сердце больного.

– И как он этого добился, этот твой «врач»?

– Ну он, – и Лейс вздохнул, – короче, тот парень хотел спасти жизнь своему отцу – и он прочитал молитву.

Рамадан поражённо глядел на Лейса. Лейс отвёл в сторону глаза, теребя в пальцах корд.

– Лейс, ты о ком сейчас говоришь? – очень тихо спросил Рамадан.

– Да неважно это. – Лейс поморщился и махнул рукой. – Важно другое: в тот день, когда я понял, что такая связь существует, я решил найти ген, который отвечает за практическую реализацию чуда. Ведь, в конце концов, в мире существуют миллионы тех, кто не верит в Бога, но страдает от рака, паралича или слепоты.

– Возможно, им имеет смысл верить? Как *тому врачу*? – тихо сказал Рамадан.

– Вполне законное рассуждение, – безмятежно кивнул Лейс. – Ну, а как ты, папа, сам действовал в тех случаях, когда закон был суров, а милосердие было выше закона?

Рамадан не нашёлся, что отвечать. Лейс посмотрел на море.

– В общем, так или иначе, но я решил найти ответ на свой вопрос, – продолжил он. – И я искал этот ген три долгих года. Это был очень трудный путь. Понадобились люди, деньги, сложное оборудование. Но больше всего мне была нужна вера – вера в себя, в свои силы. Вера в чудо. И полгода назад это чудо произошло. Последнее исследование моей группы выявило, что я не ошибся и такой ген действительно существует. Мы назвали этот ген «*ahuizotl*», в честь собакоподобного персонажа ацтекского мифа, – Лейс озорно усмехнулся. – То мифическое существо жило в воде и защищало обитателей озера. А в человеческом организме «*ahuizotl*» – или, *azot*, как мы его называем – отвечает за уничтожение больных и плохо функционирующих клеток... А теперь очень простой вопрос: скажи, что будет, если создать клон или дополнительную копию этого гена?⁶

Рамадан подумал.

– Процесс старения замедлится? Но это же фантастика и до бессмертия далеко.

– А что, если я скажу тебе, что если мой эксперимент удастся, то я сумею доказать: всего одна копия этого гена, добавленная в ДНК, увеличит жизнь человека вдвое.

– То есть человек будет в среднем будет жить сто двадцать – сто тридцать лет, – посчитал Рамадан. Лейс кивнул с энтузиазмом:

– А теперь представь, что будет, если в ДНК человека волеются копии такого гена. Очистив организм от стареющих или заражённых клеток, мы фактически дадим человеку бессмертие. Люди смогут жить бесконечно долго, перестанут болеть, и, что самое важное, больше никогда не будет увечных... Немного наивно, да? – перехватил взгляд Рамадана Лейс. – Но поскольку у меня нет прошлого, которым я мог бы гордиться, то я предпочитаю создавать будущее. В конце концов, зачем-то я же появился на этой земле? Вряд ли за тем, чтобы стать убийцей.

⁶ Открытие этого гена имело место в январе 2015 года в Бернском университете и было опубликовано в журнале «Cell». Сейчас работы продолжаются.

Потрясенный Рамадан молчал. Лейс кивнул, посмотрел на свой шортборд⁷, провел пальцем по его носу и рейлу:

– А теперь, папа, я отвечу тебе на второй твой вопрос. Мы никогда об этом не говорили, но... в общем, я согласен, давай объяснимся до конца.

Лейс вздохнул, сузил зрачки и начал:

– Папа, всю свою жизнь я прожил в двух измерениях. В одном из них, я – никто. Абсолютный ноль. Найдёныш, который не знает, как выглядели его биологические родители, и какой из языков был им родным. Я до сих пор не знаю, где я родился, как меня звали и сколько мне на самом деле лет. Я не знаю, как звали мою мать, жива ли она и что с ней случилось.

– Я могу рассказать тебе, – осторожно предложил Рамадан.

– Нет, папа, – покачал головой Лейс. – Когда-то давно я очень хотел это знать. Сейчас – не хочу. Просто больше мне этого не надо.

– Но – почему?

– Да потому что я понял: правда обо мне может быть ужаснее всех кошмаров. И если моя мать жива, то я не готов стать кошмаром для неё, потому что... ну, потому что она, возможно, меня любила. Хотя бы минуту, но любила меня... В другой жизни у меня есть всё, и всё это благодаря тебе. Ты – мой настоящий отец. Ты взял меня в свой дом, когда я всех ненавидел. Ты был со мной. Ты меня вырастил. Ты пережил мою боль, страхи, кошмар – всю эту мою проклятую социопатию. Я прекрасно знаю, на что ты и Рамзи пошли когда-то ради меня, и я никогда не смогу за это расплатиться. Именно благодаря вам я встретился с вылечившим меня врачом. Это благодаря тебе я смог в первый раз поехать в Оксфорд и выбрать себе профессию, которой я дорожу... Но, папа, пойми: мне действительно не до любви и не до девушек. Нет, я не являюсь поклонником целибата, – Лейс усмехнулся, – и у меня есть приятели. Но – не друзья. И у меня есть девушки. Но это – не любовь в твоём понимании, папа. Все мои связи обрываются очень быстро, потому что я обречён жить с призраками прошлого... Я никому и никогда не смогу рассказать о себе всё то, что знаешь обо мне ты.

Рамадан открыл рот, чтобы возразить, но, подумав, запнулся.

– Вот именно, – кивнул Лейс, наблюдая за отцом. – Это всё из-за прошлого, которое у меня было. И если правда о нём откроется, то я потеряю всё, что только имею. Но гораздо хуже для меня то, что сделают с тобой, если узнают, что человек, возглавлявший внешнюю разведку Египта, взял, да и усыновил шахида... Это даже не смешно, – и Лейс отвернулся. – Так что в моём случае мне нужна только одна женщина – чистая, как лист белой бумаги.

– Что это значит? – спросил Рамадан.

– Ну, – вздохнул Лейс, – поскольку я не готов строить отношения на лжи, то мне нужна такая женщина, которая без колебаний примет обо мне всю правду. Но чтобы принять меня таким, какой я есть, честно и открыто, у женщины не должно быть ни опыта, на который она будет опираться, ни родных, мнению кого она будет доверять, ни собственного прошлого. Она должна понимать меня – но не жалеть. Пусть не любить – но быть преданной. В противном случае в наших отношениях неизбежны возникнут трещины: сначала – элементарное непонимание, потом – шантаж. А там дело и до угроз докатится... Мне нужны такие отношения, где я и эта женщина – мы станем заговором двоих против всего мира. Говорят, такой союз называется страстью, партнёрством, дружбой, – и Лейс насмешливо скривил уголок рта, – но, откровенно говоря, мне наплевать, как это называется. – Лейс помолчал, потом вскинул на Рамадана мерцающие глаза. – Я – не Бог, и я не могу создать для себя идеальную женщину... Правда, однажды я считал, что встретил нечто близкое к своему идеалу. Но эта женщина утопила меня в слезах.

⁷ Короткая трюковая доска для профессионального серфинга.

– Ты о Шари говоришь? – догадался Рамадан.

– Да, папа, я говорю о Шари. Я любил её. Может быть не так сильно, как я хотел или мог, но я её любил.

– Но и Шари тебя любила. И сейчас ещё любит. Кроме того, Лейс, если любящая женщина умеет жалеть – это же нормально! – вступился за Шари Рамадан.

– Нет, папа. Это для вас, нормальных людей, нормально. Но я-то не рос как нормальный ребёнок, – сухо усмехнулся Лейс. – С нормальными людьми меня объединяет только одно: желание оставаться не с теми, кто заставляет нас плакать, а с теми, кто заставляет нас смеяться. К тому же у меня есть одно личное пожелание к Богу. – И Лейс улыбнулся, глядя на отца: – Знаешь, папа, я бы очень хотел, чтобы у моей женщины были глаза цветом, как у тебя. Потому что это цвет солнца.

– Почему солнца? – не понял Рамадан.

– Ну, кому-то нравится небо, кому-то – дождь. А я очень люблю солнце, – беспечно пожал плечами Лейс. – Наверное, это потому, что солнце даёт жизнь. А мой Бог – это Жизнь, папа...

– Женщина с глазами цвета солнца, как Сама Жизнь, похожая на идеально-чистый лист идеально-белой и идеально-чистой бумаги, – задумчиво произнёс Рамадан. – Да, интересное сочетание... и к сожалению, абсолютно нереальное... – И тут в памяти Рамадана возникло одно воспоминание: узкий, жёлтый конверт с прощальным письмом Мив-Шер, написанном на хрустящей, идеально-белой бумаге. Слова, сказанные сестрой в сердцах. И – обещание вечной любви. «Твоя Эль-Каед», – написала ему Мив-Шер, много лет назад оставив брату свой адрес в Оксфорде. – И что ты сделаешь, Лейс, если вдруг встретишь такую женщину?

– Я буду предан ей, как пёс, – припечатал Лейс. Но, перехватив взгляд Рамадана, он отчего-то смутился, и, пытаясь перевести разговор в шутку, широко улыбнулся, показывая острые, чуть выдающиеся верхние резцы, после чего громко пощёлкал зубами.

– Ты не на собаку, а на волка похож, балбес... Сделай так, и девушка испугается, – фыркнул Рамадан.

– Мда? – скептически изогнул изящные брови Лейс. – Ну ладно, тогда не буду... Впрочем, такой женщины, какая нужна мне, всё равно не существует, так что и нам с тобой, папа, волноваться не о чем... И теперь, когда мы это выяснили, давай поговорим о наших насущных делах. Итак, мы начали с того, что я просил тебе переехать ко мне. Ты, правда, отказался, но – я тебя очень прошу, пожалуйста, передумай и переезжай ко мне. Мне не нравится, что ты живешь совсем один в Рамлехе. Но я не могу приезжать к тебе так часто, как мне бы хотелось.

– Понимаю, – спокойно кивнул Рамадан. – Тогда я тоже тебе кое-что повторю. Во-первых, мой дорогой мальчик, я тебе очень признателен за твоё приглашение, но из Рамлеха я никогда и никуда не уеду, потому что здесь мой дом. И уж тем более я никогда не перееду в этот, твой Оксфорд.

– У тебя есть причина, чтобы оставаться здесь? – догадался Лейс.

– Да.

– Какая, если не секрет?

– Не секрет. У меня есть сестра, Мив-Шер. Много лет назад она вышла замуж и переехала в Англию. От первого брака у сестры есть сын. Его зовут Дани. Когда мы с сестрой расставались, то я дал ей обещание никогда не искать ни его, ни её... Но я всё равно жду сестру, потому что знаю, что она любила меня, – Рамадан вздохнул.

– Понятно, – медленно кивнул Лейс. – А во-вторых?

– А во-вторых, верни себе своё лицо и тот цвет глаз, которым Господь наградил тебя. Тогда, может быть, найдётся и любовь, и женщина, которую ты ищешь.

– Но...

– И это – всё, Лейс, – отрезал Рамадан. – Хватит разговоров. Ты зачем сюда приехал? Меня навестить? Ну, считай, что навестил. На доске покатайся? Ну тогда лезь в море, лови

свою «зелёную волну» и прыгай там на свою дурацкую доску. Только ноги себе не переломай. И руки... и шею тоже... *юный врач*, – с ласковой улыбкой фыркнул старик.

– Ладно, abu. Один – ноль в твою пользу. – Лейс рассмеялся. – Но ты всё-таки подумай о моём предложении, хорошо? Я мало чем дорожу, но это... В общем, я не готов остаться без тебя. Я очень люблю тебя, папа.

Стараясь уйти от серьёзности тона, Лейс улыбнулся, быстро встал, прихватил шортборд и зашагал к морю. Дойдя до залива, ловко заклеил «липучку» манжеты лиша вокруг загорелой лодыжки. Забавно потёр обгоревший нос, дождался окончания сета, вошёл в воду и выплыл по каналу на лайнап.

Рамадан смотрел на сына, пока солнце его не ослепило.

«Мой мальчик так похож на свою мать, так почему же я раньше этого не видел?» – подумал он и закрыл глаза: теперь он мог видеть сына и сердцем.

– Я так люблю тебя, Лейс, – прошептал старик. – И я бы всё бы отдал ради тебя, но сейчас я готов и на большее. Я готов отказаться от самого дорогого, что у меня есть – от того, что ты считаешь меня своим настоящим отцом – лишь бы ты только судьба была к тебе благосклонной. Будь счастлив, Лейс. И, пожалуйста, найди себе ту, что так отчаянно нужна тебе. Я – старый человек, и мне давно уже неведомы фантазии, свойственные юности. Мне всё равно, кем будет она, эта твоя избранница. Мне все равно, как её будут звать. Всё, о чем я прошу для тебя – это чтобы женщина была предана тебе и по-настоящему тебя любила».

Погрузившись в свои мысли и эту полупросьбу – полумольбу, Рамадан не заметил, как за ним пристально наблюдал неизвестный мужчина. У прохожего были тёмные волосы и карие глаза. Потом прохожий повернулся, щёлкнул тростью от «Burberry» по случайному камешку на песке и тихо, точно призрак, растворился в толпе.

Это было ровно за шесть месяцев до похищения Евы.

@

6 февраля 2015 года, пятница, утром.

Лаборатория генетических исследований,

Оксфордский университет, Площадь Веллингтона.

Оксфорд, Великобритания.

В полдесятого утра одетый в кипельно-белый халат, джинсы и тёмно-серую рубашку из тонкого египетского хлопка Лейс Эль-Каед закрыл файл с оценкой видов нейροкомпьютерных интерфейсов и сохранил его в электронном фолдере «Сингулярность⁸». Потерев обгоревший после поездки в Бур-Сафагу нос, Лейс поднял глаза и тут же упёрся взглядом в расстёгнутую блузку очередной (уже третьей в этом году) ассистентки.

Двадцатисемилетнюю блондинку Элен Кэтчер Лейс принял на работу два месяца назад. На решение Лейса повлияло ровно три факта: наличие на пальце девушке массивного обручального кольца, отсутствие макияжа и её скромное платье. Но Лейс просчитался: едва устроившись в лаборатории, «серая мышь» тут же преобразилась. Обручальное кольцо исчезло, а водолазку и очки на носу сменили яркая помада, терпкие духи и откровенные наряды. Когда Элен шла по коридорам университета, покачивая бёдрами, затянутыми в узкую красную юбку, вслед ей оборачивались даже строгие профессора из конгрегации института. «Счастливчик», – подначивали Лейса коллеги и многозначительно подмигивали ему. Сейчас Элен сидела напро-

⁸ Сингулярность – предопределённая точка в будущем. Согласно теории Вернона, это будущее наступит уже в 2040 году, когда эволюция человеческого разума в результате достижений в области нанотехнологии, биотехнологии и искусственного интеллекта сделает революционный скачок вперёд, что приведёт к возникновению разума с гораздо более высоким уровнем быстрой деятельности и новым качеством мышления.

тив Лейса, призывно водила пальцем по полуобнаженной груди и с преувеличенным вниманием просматривала что-то в мониторе компьютера.

«Так, всё, хватит. Пора принимать меры», – мрачно подумал Лейс.

– Элен, а можно личный вопрос? – начиная игру, обманчиво мягко спросил он.

– Да, конечно, – тут же с пылом откликнулась ассистентка.

– Тебе что, жарко?

– Нет, а что?

– В таком случае, застегни рубашку. Это – если тебе не жарко. Если жарко, то можешь включить кондиционер. Сама. Пульт на стене. В принципе, ты можешь даже раздеться, если только не побоишься.

– А кого мне тут бояться? – игриво улыбнулась девушка. – Тебя?

– Нет. Того, что я с тобой сделаю.

– И – что же ты сделаешь? – сладко зажмурилась Элен.

– Попрошу, чтобы тебя выперли из моей лаборатории за аморальное поведение. – Лейс сделал паузу, давая Элен осмыслить серьезность своих слов. Девушка испуганно слотнула и ошарашенно посмотрела на Лейса.

– Я... я не понимаю. Это что, такая шутка? – пролепетала она.

– Нет, это не шутка, – по-волчьи оскалился Лейс. – Наведи обо мне справки. До тебя отсюда уже вылетели две ассистентки. Ты – третья. Но поскольку до конца года четвертую мне уже не дадут, то тебе и мне нужно как-то договориться. С твоего позволения начну я. Значит так: ты зря тратишь на меня своё время. Ты не в моем вкусе, Элен.

– Что? – немедленно оскорбилась та.

– Ты не в моём вкусе, – терпеливо повторил Лейс, дополняя унижение девушки новым оскорблением. Несчастная Элен побледнела и приоткрыла напوماженный рот. – Ого, – бессердечно ухмыльнулся Лейс, – а так ты вообще похожа на акулу. Ненавижу акул и медуз... Fuck, Элен, да застегни ты, наконец, свою блузку! Ты надоела мне, поняла? Ты. Мне. Надоела, – не сдержался Лейс. Лицо Элен залила горячая краска стыда, и она принялась судорожно застегивать одежду.

– Ты не... Я не, – попыталась оправдаться она.

– Да не напрягайся ты так, – своим обычным голосом с характерной хрипотцой посоветовал Лейс. – Просто ты действительно не в моём вкусе. Слишком много тела. Слишком много навязчивого внимания ко мне. Слишком мало внимания к работе, – договорил Лейс и опустил глаза в монитор своего ноутбука. Через секунду его пальцы в привычном темпе бодро забегали по клавиатуре «Fujitsu».

«Ледяной ублюдок. Айсберг чёртов, мизогин... Правильно мне про тебя говорили», – беспомощно подумала Элен, вспоминая слёзные жалобы подруг – двух предыдущих ассистенток Лейса. Теперь слёзы закипали на глазах самой Элен. Сквозь мокрую пелену ресниц девушка смотрела на Лейса, словно бы и забывшего о её существовании. Элен всё никак не могла решить, что было для неё оскорбительнее: то, что Лейс сказал о ней – или то, как именно он это сделал.

Между тем «чёртов айсберг и мизогин» решил устроить себе небольшой перерыв. Открыв социальную сеть Facebook, Лейс зашёл на свою страницу с аватаром, изображавшим цифру «7~», и начал загружать в альбом фотографии с Бур-Сафаги, где он в последний раз был вместе с отцом. Когда Лейс переслал в папку последний снимок, к нему пришёл первый «лайк». Лейс присмотрелся: судя по никнейму, пользователя звали Симбадом. Это имя Лейсу ни о чём не говорило. И хотя незнакомцев в социальной сети Лейс не любил, он относился к ним, как к неизбежному злу: спокойно и равнодушно. Пожав плечами, Лейс уже собирался покинуть Facebook, когда получил первый комментарий от Симбада:

«Привет, „7~“. Надо поговорить.»

Лейс и ухом не повёл. Через минуту к нему пришло второе сообщение:

«Я сказал, надо поговорить. Или мне назвать тебя по имени?»

Лейс удивлённо уставился в монитор. Помедлив, он хмыкнул и напечатал в ответ:

«Ну, давай поговорим. Вопрос №1: fuck, ты вообще кто?»

«Я тот, кто знает, что «7~» – это по-арабски *sab'a*.»

«Поздравляю. Расширь свой словарный запас: *ya tiz el himar*. По-английски – „ты – ослиная задница“. А теперь отвали», – напечатал Лейс и приготовился выйти из Facebook.

«А ещё я знаю, что „семь“ на урду – это *saat*. Ты как, ещё не забыл урду?»

Лейс побледнел, как мел. Его зрачки расширились, сердце забилося так сильно, словно хотело вырваться из груди. Кровь тяжёлыми толчками запульсировала в висках. Заложило уши. В теле Лейса отвратительной спиралью начал раскручиваться ледяной страх обречённой на пытку маленькой крысы.

«Дыши медленно. Еще медленнее. Ещё... Теперь смотри в одну точку, Лейс, и думай только о солнце. Думай о том, как его лучи согревают тебя. Теперь медленно считай до десяти. Один. Два... Медленнее... Тебе тепло, Лейс. Три. Четыре. Солнце светит всё ярче. Тебе жарко, горячо. Пять. Шесть. Вокруг тебя лишь солнце. Семь. Восемь. Рядом с тобой только свет и тепло, которые разливаются по твоим жилам. Девять. Есть только солнце, жизнь – и ты. Десять. Ты сам стал солнцем... А теперь сосредоточься на том, что минуту назад ты хотел сделать», – вспомнил Лейс слова врача, когда-то лечившего его. Лейс повторил урок, и это помогло. Отдышавшись и зло прикусив губы, Лейс подумал и начал писать Симбаду:

«Что ты от меня хочешь?»

«Надо поговорить. FaceTime. Связь по имейлу. Сейчас.»

«Нет. Только личная встреча. Где мы с тобой встретимся?»

«А зачем тебе личная встреча, „7~“?»

«Чтобы сводить тебя на танцы, урод... Чтобы вбить тебе в глотку твой урду!»

«Меньше эмоций. Набери мне по почте: *simbad_omega_123@montaza.com*. FaceTime. Через пять минут.»

«Нет. Я же сказал: только личная встреча.»

«Ах, нет? Ладно. В таком случае, я оправаляюсь в Рамлех, в один известный тебе дом с бугенвиллиями и тамариском. Навещу там кое-кого... Итак, мальчик, время пошло. У тебя есть ровно четыре минуты, чтобы одуматься.»

Лейс прищурился: пользователь с ником Симбад был шантажистом, а значит, врагом. И этот враг спрятался в социальной сети и угрожал Рамадану.

– Элен, – хрипло позвал Лейс, всё ещё глядя в монитор. В ответ раздалось обиженное сопение.

– Элен, – громче повторил Лейс и поднял глаза. Вся красная от обиды, Элен сверлила мокрыми глазами стену напротив и громко шмыгала носом. – Элен, я с кем разговариваю? – повысил голос Лейс.

– Ну, что тебе? – вредным голосом отозвалась девушка.

– Ты кофе хочешь?

– Предположим, хочу, – буркнула Элен и с надеждой посмотрела на него.

– Тогда иди прямо сейчас. Считай, что я тебя угостил. – Взбешённая Элен схватила сумку и вихрем понеслась к двери. – Стой, – приказал Лейс.

– Ну, что ещё? – взвизгнула та.

– Возвращайся минут через тридцать. И не опаздывай, как ты очень любишь это делать.

Самолюбивая Элен выскочила из кабинета и хлопнула дверью так, что в окна задрожали стёкла. Лейс встал, в два шага преодолел расстояние до двери и высунул нос в коридор.

– Элен, – в четвёртый раз окликнул он девушку, когда та уже готовилась юркнуть за угол. – А ну-ка, вернись.

Дрожа от нового унижения, Элен неохотно повиновалась. Лейс терпеливо ждал, когда Элен, заплетая ногу за ногу, подойдёт к нему.

– Ну, что? – взмолилась она.

– Ещё раз так сделаешь, и я тебя уволю. Без разговоров и прочего дерьма. Ты меня поняла? – с холодным бешенством спросил Лейс и закрыл дверь.

– Я и сама от тебя уйду, – услышал он голос, прерывающийся от плача.

– Ага, уйдёшь ты, как же, – проворчал Лейс, закрыл дверь на два оборота ключа и снова вернулся к монитору компьютера.

«Я тебе сейчас наберу, kelbeh, сука», – написал Лейс и, поглядывая на часы, отправил автоматический запрос провайдеру адреса «montaza.com». Лейс собирался узнать, кто именно скрывается за IP-адресом Симбада.

Пятью минутами ранее смуглая арабка-горничная пятизвездочной гостиницы «Шератон Монтаса Отель» остановила у номера «22—17» свою тележку и постучала в дверь.

– Room service, Sir. Уборка номера, – певуче произнесла она по-английски. Через секунду дверь люкса открылась. Горничная увидела перед собой высокого постояльца с взъерошенными тёмно-русыми волосами.

– Мне ничего не надо, спасибо, – сказал мужчина и протянул женщине банкноту номиналом в пять евро. Гость отеля очень хотел, чтобы горничная ушла и оставила его в покое. Женщина охотно приняла деньги. Постоялец сухо кивнул и закрыл дверь. Постояв у двери и убедившись, что в ближайшее время его больше не потревожат, мужчина вернулся к столу, стоявшему в номере, и поднял крышку своего «мака». Перевернув стул, постоялец номера оседлал его, как привык, и начал быстро работать: заблокировал свое изображение на FaceTime, установил приложение VST и утопил подбородок в ладонях. Прошло соединение. Мужчина подтвердил запрос и на экране его «мака» возникло злое, искажённое гневом лицо такого же взлохмаченного Лейса. Мужчина увеличил изображение, буквально сканируя взглядом неприятный, режущий как нож, взгляд серых глаз.

«Он – или не он? – думал мужчина. – Приметы сходятся, но вот глаза... нет, это не сын Лили: у того мальчика глаза были совершенно другими».

– Включи изображение, Симбад, – агрессивно потребовал на другом конце Лейс. – Я не привык разговаривать с теньями.

– А я привык жить в тени, – равнодушно возразил Симбад. Лейс прислушался: это был голос не человека, а робота.

«Вот же гад: взял и запустил программный синтезатор. Изменил свой голос, чтобы я не догадался, кто он», – понял Лейс и покраснел от злости. Разглядывая лицо Лейса, мужчина, представившийся ему как Симбад, в этот момент думал: «Нет, не могу догадаться, кто этот Лейс. И, как ни жаль, но придётся „прокачивать“ этого парня».

– Как считаешь, «семь тильда», кем была твоя мать? – спросил Симбад, начиная игру.

– Ты, Симбад, зря стараешься: меня это мало интересует, – отрезал Лейс, в свой черёд поглядывая на монитор: он ожидал ответ от провайдера.

– А что, если я тебе скажу тебе, что я знал твою мать? А что, если я знаю, кто, как и почему убил её?

– Вот как? – чёрные ресницы Лейса дрогнули, как веера. – А этим убийцей случаем не ты был, ублюдок?

Симбад побледнел: удар был нанесён мастерски и быстро.

– Нет, не я, – медленно ответил он. – Кстати, в качестве аванса в счёт нашего будущего сотрудничества: твою мать убил мужчина, который тридцать два года назад жил в Рамлехе. Он

жил там же, где сейчас обитает твой так называемый отец Рамадан. А твой настоящий отец ни разу тебя не видел. Что до твоей матери, то она очень любила тебя. Твои родители хотели для тебя иной судьбы. И они дали тебе другое имя. Хочешь узнать, как они тебя называли?

Голос Симбада обволакивал, как бархат, пробирался в мозг, но мягкие слова разили безжалостно, как клинок. В памяти Лейса немедленно возник образ женщины, которую он считал своей матерью. Но её светлый лик заслонило страшное, испещрённое шрамами лицо Саида Кхана. Страх загнанной крысы снова возвращался к Лейсу. Он сглотнул и поднял глаза.

– Потрясающее начало, – с наигранной, фальшивой улыбкой сказал Лейс в монитор. – Ладно, Симбад, продолжай. Так как же называли меня мои родители?

– Это, Лейс, очень дорогая информация.

– Плевать. Сколько хочешь за неё? И где конкретно встречаемся? Я передам тебе деньги. «Я выманю тебя на встречу, Симбад, а потом ты и в зеркале себя не узнаешь...»

– Деньги меня не интересуют. Я предлагаю тебе натуральный обмен. Я тебе – информацию. А ты мне – одну маленькую девочку по имени Ева.

– Что-что? – брови Лейса удивленно взметнулись наверх. – Ты что, Симбад, больной на всю голову? Я тебе кто, чёртова сваха?

– Повторяю: мне нужна Ева, она – дочь Даниэля Кейда. Он – предприниматель и живёт в Москве. Его дочери, Еве, двадцать лет. Она мне нужна, и ты мне её достанешь. В обмен получишь информацию о твоём прошлом и о твоих родителях.

– Да ну? – насмешливо осведомился Лейс. – А почему ты не просишь меня сразу добыть для тебя этого Скейта?

– Он Кейд, а не Скейт, – усмехнулся Симбад.

– А мне плевать, – и Лейс широко и нахально улыбнулся. Симбад помедлил, разглядывая волчий оскал, острые верхние резцы и очень зловредную мальчишескую ухмылку.

– А что, Лейс, если я скажу тебе, что отец этой девочки является сыном убийцы твоей матери, что тогда? И у меня есть этому все необходимые доказательства.

Лейс прикусил губу. Симбад впился глазами в изображение Лейса. Но Лейс уже справился с собой, и выражение человеческой ранимости покинуло его взгляд. Теперь Лейс смотрел и холодно, и враждебно.

«Похоже, этот мальчик не тот, кого я ищу, – подумал Симбад. – А если это всё-таки он?.. Я обязан, я должен узнать правду».

– Пропавшие родители... Смертельный враг... Неизвестный друг из социальной сети. И – похищение девочки, – между тем раздумчиво произнёс Лейс. – Это, Симбад, прямо-таки сюжет для романа. Ты случайно Шекспиром не увлекаешься, нет? Кстати, как называется та, самая кровавая трагедия у Шекспира? «Макбет»? Борьба за власть, да?

– Нет, Лейс. Самая кровавая трагедия Шекспира называется «Тит Андроник», – усмехнулся металлический голос, за которым скрывался невидимый Лейсу Симбад. – И в этой пьесе целых четырнадцать убийств, три отрубленных руки, один отрезанный язык и тридцать четыре трупа. Так что не преувеличивай, нам с тобой еще очень далеко до Великого Барда. Хотя, не скрою, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал с Евой.

– Что?

– А ты научи её урду. Научи так, как тебя учили. Кто лучше тебя справится с этой работой, *Сахт*?

Лейс помертвел. Едва сдерживаемая спираль страха опять раскрутилась и начала плавить мозг, грозя вдребезги разнести всю выстроенную им защиту. Лейс попытался погасить адреналин, и в этот раз у него с трудом, но получилось.

– Круто, Симбад, – откашлявшись, просипел Лейс. – А кстати, ты не боишься, что, когда я до тебя доберусь, то я просто сверну тебе шею?

– Нет. Не боюсь, – ответил металлический голос.

– Да – а? Это еще почему? – поинтересовался Лейс. Он замер, когда услышал:

– Потому что раньше, чем ты поймёшь, кто я такой и какой номер снимаю в гостинице, я убью Рамадана. Это ты, Лейс, в Оксфорде. А я в Рамлехе. Ты не знаешь, кто я, как я выгляжу и как звучит мой голос. Зато я о тебе многое знаю. Например, я знаю, что *abu* на арабском означает «отец». Да, мальчик?

– Нет, Симбад, – со страшным спокойствием ответил Лейс. – На арабском *abu* означает «папа». На урду это слово произносится как *abba* или *waalid*. И если ты, тварь, только посмеешь подойти к Рамадану, то я тебя из-под земли достану. Тебе все ясно, *janwaar*? Кстати, что означает *это* слово на урду – посмотришь в словаре. Сам. А теперь проваливай со всеми своими просьбами. Всё, разговор закончен. Я в полицию звоню.

– А ну-ка, притормози, Лейс, – усмехнулся металлический голос. – Я хочу, чтобы ты, наконец, понял: я не шучу. И я действительно могу убить Рамадана. Мне нужна Ева, и я знаю, где живёт Рамадан. А ещё я знаю, что у него большое сердце. Я даже знаю, что три года назад Рамадан перенёс клиническую смерть. И если только ты, мальчик, попытаешься всё рассказать Рамадану или спрятать его от меня, то я его убью. Попытаешься найти меня или обратиться в полицию – и я его убью. Попытаешься сам спрятаться от меня – и я его убью. Убью медленно или убью быстро. Например, скажу Рамадану, что ты уже умер, Лейс. И расскажу, как мучительно ты умирал от моей руки... Как думаешь, этого будет достаточно, чтобы остановить сердце твоего «папы»?

«Ну, давай, Лейс, покажи мне себя. Мне нужно, мне очень нужно знать, кто ты...»

«Нет. Не надо. Один, два... Не надо... три... нет, не три, а четыре. Нет. Дыши медленнее... Не могу. Как холодно. Пожалуйста... три, нет – четыре... Нет!.. Я сделаю всё, как ты хочешь, хозяин...»

Впившись взглядом в монитор, Симбад неотрывно следил за Лейсом и недоумевал: реакция Лейса на страх была поистине странной. Сначала по лицу Лейса разлилось выражение абсолютного покоя. Потом на губах заиграла лёгкая полуулыбка. А когда Лейс поднял голову, то Симбад увидел абсолютно пустой взгляд тёмно-серых глаз, в которых просто не было жизни. Симбад, никогда не видевший, как проявляется ужас абсолютного подчинения, обречённо покачал головой:

«Ты – не сын Лили, нет. Ты, мальчик, просто фальшивка. Вот только зачем ты понадобился Рамадану? Неужели всё дело в деньгах и наследстве Эль-Каед?» – при этой мысли Симбад поморщился.

За это время страх Лейса поднялся до самого пика, и, исчерпав себя до глубины, сгинул – исчез, точно его никогда и не было. Так маленькая крыса пришла к Лейсу в последний раз, спасла его и навсегда исчезла. Придя в себя, Лейс выпрямил спину. А потом в Симбада полетела такая площадная арабская брань, что в отеле «Монтаза» от стыда покраснели стены. Симбад открыл рот и смущённо фыркнул:

– Слушай, Лейс, я не понял, это «да» с точки зрения похищения Евы, или «нет»?

– Это – «да», – выпалил Лейс и заскрежетал зубами так, что на мгновение его мучителю показалось, будто у него треснул экран компьютера. Симбад даже заглянул в свой «мак». В этот момент Лейс Эль-Каед с лёгкостью перешёл на урду, причём будущий PhD из Оксфорда обнаружил отличные навыки уличной брани Лахора. Симбад неодобрительно покачал головой и покосился на часы: Лейс матерился уже сорок секунд и униматься явно не собрался.

– Слушай, да заткнись ты уже, – наконец не выдержал Симбад. – Лейс... кому говорю... да перестань ты орать! Повторяю, мне нужна девочка по имени Ева. Ей фамилия – Самойлова. Как я уже говорил, ей – двадцать лет, она знает русский, английский и арабский. У Евы три эккаунта в трёх социальных сетях: в Facebook, «Pinterest» и в «ВКонтакте». Лейс, ты как, русский знаешь? Ну, хоть немного говоришь на нём?

«Зря спросил», – мрачно подумал Симбад, увидев глумливую ухмылку. После чего в Симбада полетел забористый русский мат с неподражаемым арабским акцентом.

– Так, ладно, будем считать, что русский ты тоже знаешь... мда... Лейс, остановись... Лейс, я кому сказал? Лейс, ау!

Но Лейс и сам уже исчерпал свой словарный запас на православном и могучем, но, судя по лихому блеску его глаз, теперь готовился перейти на не менее «поэтический» английский.

– Даже не думай, – тут же посоветовал Симбад, отметив зловредную ухмылку Лейса. – А теперь вот что, мальчик: начиная с этого дня у тебя есть ровно два месяца, чтобы подружиться с Евой. Мне нужно, чтобы ты и эта девочка стали друзьями. Мне нужно, чтобы Ева доверяла тебе, как никому. И мой тебе совет: начинай строить дружбу с Евой прямо сейчас. Через неделю выйдешь со мной на связь, отчитаешься о проделанной работе. И ещё...

– Ну, что тебе? – неприязненно буркнул Лейс.

– Учти, Ева Самойлова – крепкий орешек. И имей в виду: я глаз не спущу ни с тебя, ни с Рамадана. Так что не облажайся, Лейс. – Симбад отключил связь и устало потёр лоб и виски. Он так и не понял, был ли Лейс тем, кого он искал долгих тридцать два года...

Лейс сидел и смотрел в погасший монитор. Симбад, сам о том не зная, нащупал самое слабое место Лейса. Всё то, чего боялся Лейс, сбылось. Ненавистное, жуткое прошлое, которое он стремился забыть, восстало, но теперь тайна Лейса грозила разбить не только его жизнь, но и уничтожить жизнь того, кого он любил больше собственной жизни. Без Рамадана, который принимал его таким, каким он был, Лейс остался бы совсем один на этом свете. И теперь, что не допустить гибели приёмного отца, Лейсу предстояло самостоятельно найти выход из угла, в который его загнал Симбад – или же попытаться создать свой собственный, пятый угол.

«Симбад бросил мне вызов, – думал Лейс. – Ну что ж, я готов принять его. Вот только играть я буду по своим правилам. Когда-то я был одним из лучших учеников „Лашкари и-Тайба“. И мы посмотрим, чего стоит какой-то там Симбад против науки Саида Кхана».

Когда в дверь лаборатории робко постучалась усмирённая Элен, Лейс молча впустил её. Пряча глаза, ассистентка протянула Лейсу бумажный стакан с горячим кофе.

– Вот, как ты любишь, с сахаром... И прости, что я сорвалась... я не хотела, – ища примирения, прошептала ассистентка.

– Спасибо, поставь кофе на стол, – тихо сказал Лейс.

До конца дня ни он, и Элен не произнесли больше ни слова.

@

**7 февраля 2015 года, за два месяца до похищения Евы.
Квартира Лейса Эль-Каеда. Lion Brewery Development,
Пенсильвания Авеню, Оксфорд.
Великобритания.**

В пять часов вечера Лейс уже входил в дом на Пенсильвания Авеню, где у него была своя квартира. Лейс купил её десять лет назад, приценившись к функциональной планировке жилья и оценив красоту трёхэтажного особняка из красного кирпича, выстроенного в конце семидесятых. Переступив порог дома, Лейс бросил ключи на стойку и первым делом раздвинул на окнах шторы. Открыв левую створку высокого окна, уходящего от потолка в пол, Лейс включил лампу на высокой стальной ножке, стянул с себя куртку и бросил её на кожаный диван. Слева от дивана, затейливо отделанного алюминием, стоял низкий, на две секции, незастеклённый стеллаж, справа – высокий стол с четырьмя полками. Интерьер комнаты был по-японски минималистским, очень простым, но жильё было вполне комфортным, хотя даже спальня и кухня Лейса были приспособлены для того, чтобы читать и работать. Все полки в гардеробе

и кухонном шкафу были заполнены бумагами, книгами, дисками, папками и различными пособиями. Дом соответствовал вкусу и привычкам своего хозяина. Лейс был тем, кого поклонники такого стиля называют «karoshi» – человеком, полностью сосредоточенный на работе.

«Мой дом – моя крепость», – любил говорить Лейс. Но в этот раз английская пословица была далека от истины. Раздражённо швырнув на стол тяжёлую папку с материалами, Лейс плюхнулся на диван, затащил на колени и включил свой незаменимый «Fujitsu», оснащённый программой для шифрования сервисов. Вообще-то Лейс предпочёл бы заняться научной деятельностью, но его ждало задание от Симбада. К тому же, Симбад уже успел переслать Лейсу на телефон три адреса Евы Самойловой в социальных сетях: в «ВКонтакте», «Pinterest» и Facebook. О первых двух соцсетях Лейс никогда не слышал. Покусав губы, Лейс отправился за информацией в Google. На ознакомление с сервисами «ВКонтакте» и «Pinterest» ему хватило и двадцати минут. Потом Лейс закрыл глаза и попытался представить себе двадцатилетнюю Еву. Всё, что Лейс знал о ней, сводилось к тому, что девочка была дочерью богатого английского предпринимателя.

«Так, ну всё понятно: богата, глупа, молода. Родилась с серебряной ложкой в задни... в смысле, во рту, и значит, будет пытаться демонстрировать, что получила всё по праву рождения... Отлично, ничего сложного. Сейчас мы быстренько подружмся с Евой, а потом я вернусь к работе», – утешил себя Лейс, открыл ссылку на страницу Евы в «ВКонтакте» и недоуменно уставился на её аватар. Вообще-то Лейс ожидал увидеть нечто иное. По его мнению, девушка, подобная Еве, должна была разместить на аватаре свою фотографию в стиле селфи, ухитрившись снять себя так, чтобы одновременно показать грудь, зад и надутые губки. (Как девушки ухитряются принять такое положение тела и при этом позвоночник себе не сломать – до сих пор остается самой главной загадкой социальных сетей.) Но на аватаре Евы красовалась фотография огромного пса с весёлыми жёлтыми глазами.

«Упс. Судя по всему, ты, Ева, у нас *hablya* – идиотка, – насмешливо решил Лейс, – даже приличное селфи сделать себе не можешь». Вынеся Еве окончательный и безжалостный вердикт, Лейс вздохнул и начал работать...

Четырьмя часами позже Ева Самойлова зашла в социальную сеть «ВКонтакте» и начала просматривать присланные ей сообщения. «Ничего не получается, ничего. Как же мне найти Маркетолога?... Ой, а это ещё кто?» – искренне удивилась Ева, разглядывая сообщение от темноволосого красавца-араба по имени Аслан Шер. «Salam hel'va. Привет, красотка. Наверное, ты фотомодель, раз прячешься за такой собачкой? Я бы с удовольствием познакомился с тобой и твоим псом. Давай, напиши мне», – предлагал Еве красавец. «Осёл ты, а не Аслан. Нет у меня на тебя времени», – с досадой подумала дочь Кейда и совершенно по-хулигански напечатала: «Hellya anni». Убедившись, что Аслан получил её «изящное» сообщение, Ева фыркнула и быстро «слила» Аслана Шера в свой «чёрный список» «ВКонтакте».

– Зараза! – прошипел утром Лейс (он же «Аслан Шер»), получив ответ от двадцатилетней девчонки. Ещё бы: он потратил битый час на то, чтобы создать эккаунт в этой молодежной сети, воспользовавшись фотографией и биографией известного египетского актёра. Ева в течение двух секунд превратила «Аслана Шера» в ничто, да ещё и пожелала ему приятной, но недолгой дороги. Глядя в монитор, Лейс недовольно покусал губы: его так и подмывало создать в «ВКонтакте» еще один эккаунт и рассказать Еве, что думает о ней и Аслан Шер, и конкретно он, Саба Лейс Эль-Каед. Но для взрослого мужчины тридцати двух лет, к тому же, будущего PhD, это было, по меньшей мере, несерьёзно. Переведя тоскливый взгляд на стопку материалов с расчётами по сингулярности, Лейс приуныл. Перебранка с нахальной москвичкой могла бы принести ему некоторое моральное удовлетворение, но не решало задачи, поставленной ему Симбадом.

«Мне надо готовить презентацию для конференции в Турине, мне нужно сделать последний расчёт и заказать препараты, я ещё не обедал – и при этом я вынужден заниматься тем, чтобы ловить в социальных сетях какую-то идиотку», – Лейс тоскливо вздохнул и раздражённо открыл ссылку на «Pinterest», где был второй экаунт Евы. «А это ещё что?» – искренне удивился он, разглядывая аватар на странице девчонки.

На аватаре Евы, которая своим существованием уже отравила Лейсу жизнь, было изображено аппетитное зелёное яблоко с буквой «i», лежащее на книжке Филипа Котлера. Лейс почесал нос и нырнул за справкой в Google. Через три минуты Лейс уже знал, что украинец по национальности, Филип Котлер был первым учёным, кто собрал и систематизировал все знания о маркетинге. «А „i“-то тут причем?» – не понял Лейс и снова полез в Google. Поисковик немедленно выдал ему сто ссылок на предметные статьи по электронному маркетингу. «Да чтоб ты провалилась, юный маркетолог с пытливым умом», – злобно пожелал Еве Лейс и покорно щёлкнул на первую из ссылок. В итоге, перечитав за три часа кучу абсолютно не интересных ему статей, Лейс сочинил новое письмо и отправил его Еве. В этот раз ответа от Евы пришлось ждать целых семь дней. И каждый день Лейс был вынужден заходить в Facebook и писать Симбаду о том, что «дружба» с Евой никак не заладится.

Пока Лейс выслушивал новые угрозы, отбивался от язвительных насмешек и парировал справедливые претензии Симбада, Ева прекрасно сдала все сессии в МГУ и даже съездила в Оксфорд навестить Мив-Шер и, к тому времени уже плохо чувствовавшего себя, Дэвида. Вернувшись домой в Москву, в один из вечеров Ева забралась с ногами на диван и, взяв в руки iPad, отправилась в социальные сети. «Не то. Опять не то. Снова не то, – просматривая свою подписку, с отчаянием думала девочка. – Все эти люди пишут о маркетинге, но это – не то. Это – не Маркетолог. Не тот стиль. Не тот взгляд на вещи. А мне нужна именно эта женщина. Я должна найти её для папы... Ой, а это ещё кто?»

«Добрый день. Ты, как я понимаю, увлекаешься интернет-маркетингом?» – прочитала Ева послание, отправленное ей неким Леонидом Суворовым. Аватаром Леониду служил красно-белый стандартный символ «Pinterest» – совершенно безликая булавка. «Добрый день. Да, это так», – вежливо ответила Ева и убежала в институт. Вечером Ева снова открыла «Pinterest» и нашла второе письмо Леонида. «Есть вариант сотрудничества для одной фирмы. Активные посты в микроблогах Twitter и Facebook. Разработка конкурсов по принципу «Фан недели» от «Zappos». Вирусный маркетинг по образу «Blendtec». В общем, надо поговорить. Я сейчас в Лондоне. Позвони мне. Мой телефон 8.10.44.302...», – написал Еве Леонид. Сообразительная дочь Даниэля прищурилась и зашла на доску Леонида в «Pinterest». Убедившись, что в каталогах Леонида Суворова не было ни подписок, ни пинов, ни «лайков» – одним словом, ничего, Ева подняла бровь в манере, присущей лучшим представителям её семейства, и отправилась в настройки своей страницы. После чего с лёгким сердцем «настучала» на неведомого ей Леонида администрации социальной сети. Еве было не до глупостей: вот уже второй месяц, как она неустанно искала в социальных сетях Маркетолога.

На следующее утро одетая в водолазку, простые синие брюки и новый белый, отглаженный до хруста, халат Элен Кэтчер открыла дверь лаборатории – и замерла с занесённой через порог ногой, увидев Лейса. Мужчина сидел, вцепившись в волосы, и жалобно смотрел в монитор «Fujitsu». «Прическа – точно на него напали», – подумала Элен и пролепетала:

– Лейс, доброе утро.

– Маленькая дрянь! – рывкнул в ответ Лейс (он же «Леонид Суворов»). Настроение у Лейса было хуже некуда: Ева Самойлова заблокировала в «Pinterest» его экаунт.

– Ты как со мной разговариваешь, Лейс? – ту же взвилась Элен и швырнула свой портфель на стол.

– Э-э... Слушай, Элен, извини. Привет. Ты тоже классно выглядишь, – рассеянно пробормотал Лейс и растерянно обвёл глазами лабораторию. Взгляд будущего PhD немедленно уткнулся в маленькую фигурку «ASIMO». «ASIMO» – миниатюрный прототип интеллектуального гуманоидного робота – был подарком, преподнесённым Лейсу в 2014 году представителями японской «Honda». Модель была вручена за конкурсный проект, с изящной японской формулировкой: «За удивительный прорыв в области усиления интеллекта». При виде «ASIMO» настроение у Лейса упало окончательно. Ещё бы: на фоне безыдейного общения будущего светила из Оксфорда с излишне сообразительной студенткой из Москвы дарственная надпись на «ASIMO» выглядела, как форменное издевательство. Лейс грустно вздохнул. Время, выделенное ему Симбадом на установление «дружеских» отношений с Евой почти совсем истекло. На выполнение задания оставалось всего несколько дней и ещё одна, последняя социальная сеть – Facebook. С видом приговорённого к смерти Лейс открыл Facebook и разыскал экаунт Евы. Он перестал дышать, увидев настоящую фотографию несносной дочери Кейда.

– Что-то не так, Лейс? – испуганно пискнула Элен, наблюдая за тем, как яростно вспыхнули его глаза.

– Да нет. Всё так... Так я и знал, – прошипел Лейс, увеличив изображение Евы. Девочка была идеальной, как желание, и головокружительной, как мечта. Вот только Лейс никогда не страдал от синдрома Стендаля⁹ и органически не выносил женщин, подобных Еве. На взгляд Лейса, такие девушки были капризны, самоуверены, горды, глупы и требовали слишком много времени.

– Лейс, а, может, я могу тебе чем-нибудь помочь? – наблюдая за Лейсом, робко спросила Элен. Тот бросил на эффектную ассистентку задумчивый взгляд и ощупал её глазами.

– Всё может быть, – прикинув варианты, пробормотал Лейс. – Ну-ка, скажи-ка мне, Элен, а ты когда-нибудь знакомилась в социальных сетях?

– Нет, – моментально соврала та.

– Да? – Лейс скептически поднял брови. – Ладно, допустим... Хорошо... Тогда задам вопрос по-другому. Ты – очень красивая девушка. Скажи, каким должен быть мужчина, чтобы ты его выбрала?

«Мой последний шанс», – немедленно сообразила та.

– Как ты, – набрав воздух в лёгкие, бесстрашно выдохнула Элен.

– Что «как я»? – голосом, не предвещающим ничего хорошего, проскрипел Лейс.

– Ну, я хочу сказать, что этот мужчина должен быть таким, как ты. Потому что ты для меня идеален. – Лейс взглянул на Элен с такой злобой, что девушке моментально захотелось залезть под стол. – Н-нет, я не то имела в виду, – покраснев, затараторила Элен. – Я имела в виду, что у такого мужчины должно быть что-то, что очень заинтересует меня. Внешность – это не главное. Главное – это характер, цельность натуры... интересное хобби. И – внимание ко мне. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Ах да, и как это я забыл о мечте всех женщин на свете? Как там это было? А, вот: «Он будет сильным и непреклонным, но покорится лишь ей одной», – язвительно хмыкнул Лейс, процитировав одну из популярнейших quotes «Pinterest». – Ну спасибо, Элен, – и Лейс немедленно нырнул в свой ноутбук. Прошло несколько минут. Тишину нарушал только мерный стук пальцев Лейса по клавиатуре. Мужчина увлечённо писал Еве третье и последнее письмо.

– Э-э... Лейс, это всё, что ты хотел узнать у меня? – выдавила Элен.

– Всё, – с готовностью кивнул Лейс. Элен еще долго на него смотрела...

⁹ Психосоматическое расстройство, возникающее под воздействием силы искусства; оно сопровождается взрывом эмоций, головокружением и галлюцинациями. Такие симптомы могут возникать и при созерцании явлений природы, редких животных или невероятно красивых женщин.

Прошло три дня.

– Да, Лена, хорошо. Я обязательно перезвоню папе... Нет, я не забуду... Да, я тебя не подведу, – терпеливо отвечала Ева на звонок секретаря своего отца. Быстро свернув разговор, Ева отбросила от себя трубку, скорчила недовольную рожицу, закатила глаза, соорудила на голове нечто, отдалённо напоминавшее идеальный «лисий хвост» Эль, вползла в тренировочные штаны и уселась на диване. Поглаживая голову Деака, Ева ещё раз внимательно перечитала сообщение от пользователя с аватаром «7~».

«Hi Eve, how are you? I have looked through your posts; some of them are of my interest. Привет, Ева. Посмотрел некоторые твои посты: кое-что для меня интересно», – по-английски написал Еве неизвестный мужчина. Пожав плечами, Ева небрежно щёлкнула на страницу «7~» с ничего не говорящим аватаром. Лениво полистала страницы. Наткнулась на последний пост о серфинге и начала читать. Пользователь «7~» с юмором рассказывал о том, как он объездил «зелёную волну» в испанской провинции Астурия и навестил подругу в городке Вильявизиоса. Посмеявшись рассказу, где «7~» живописал, как он поучаствовал в изготовлении местного сидра и даже сыграл пару нот на волынке, Ева незаметно для себя увлеклась и с головой погрузилась в интересное чтение. Потом просмотрела материалы, сделанные о португальском споте серферов Praya do Amado, о марокканском поселке Таразут, и об индонезийских пляжах Ява, Ломбок и Лембонган, а также о серфовых местах на севере Доминиканы.

И Еве пришла в голову мысль, что у пользователя «7~» очень интересное хобби и очень много друзей. Судя по количеству «лайков» и эмоциональных комментариев к постам, к «7~» были явно равнодушны девушки. Перелистав все альбомы и отметив сообщество двенадцати пользователей с таким же знаком «тильда», Ева, наконец, нашла и фотографию хозяина страницы. С цифрового изображения на Еву смотрел её ровесник: сероглазый мальчишка, который болтался в загорелом, гибком, стройном теле мужчины. Лихо оседлав доску для серфинга, «7~» улыбался на фоне бирюзового моря в Бур-Сафаге. Ева долго рассматривала снимок, а потом решительно закрыла Facebook. Через два часа Ева снова его открыла.

«Не делай этого. Пожалеешь», – сказала Еве её интуиция. Не помогло.

«Hi „7~“. What did you like most of all? Привет, „7~“. Что тебе понравилось больше всего?» – написала Ева.

«Мысль о том, как я тебе при встрече уши надеру», – мрачно подумал «7~» – он же Лейс, начиная долгожданную переписку.

@

7 марта 2015 года, за месяц до похищения Евы.

Социальная сеть Facebook.

Пользователь «7~» – пользователю «Ева Самойлова».

«Я буду улыбаться только лишь с тобой...».

(«Мохито»)

– Привет, Ева. Спасибо, что ответила. Меня интересуют кое-какие книги на русском языке. Хочу получить твой совет, если ты в курсе. Я через несколько недель собираюсь в Москву. Хочу купить собрание Чехова и Куприна с текстом на английском и на русском.

– Как это выглядит, «7~»?

– Ну, как одно из изданий «Bloomsbury»: книга Агаты Кристи «Смерть на Ниле». Видел у них на сайте. Вот, лови ссылку.

– А, «7~», поняла, о чём ты говоришь. У меня дома есть такая книга. Вот ссылка на подписку онлайн. Там есть. Лови.

– Yes, это то, что надо. Спасибо. А скажи, есть возможность приобрести подобные издания не онлайн, а в каком-нибудь магазине? Ненавижу читать книги с экрана – глаза болят.

– Да, есть, конечно. Например, в московском «Доме книги». Вот ссылка на адрес. А ты филолог, «7~»?

– Кто, я? Нет. Просто когда-то я учил русский. Занятие не для слабонервных.

– Почему? :-)

– Потому что русский язык сложный. Слишком много слов с буквами «е», «р» и сонорными. Огромное количество склонений и падежей. Проще выучить урд (зачеркнуто) арабский...

– О, так ты говоришь на арабском?

– Так, чуть-чуть. А ты?

– И я чуть-чуть. Слушай, «7~», а ты видел эти пособия по русской грамматике? Вот, направляю ссылку. А где ты живёшь?

– Недалеко от Лондона. А эти пособия я видел. Кстати, учти: в них очень много ошибок. Не знаю, кто всё это сочинял, но особенно порадовала фраза «с нашими материалами вы овладеете русским языком в совершенстве за три недели». Видимо, у таких учителей либо не всё в порядке с головой, либо они бедствуют.

– Ха, почему бедствуют?

– Да потому что обещают нереальное, лишь бы получить деньги. А ты чем увлекаешься?

– SMM.

– Чего-чего? Режимами системного управления? Да ладно! – и Лейс ехидно присвистнул: «Интересно, ей там череп не жмёт?». Как оказалось, общаться с Евой было довольно забавно.

– Мимо, «7~». Social Media Marketing означает «продвижение в социальных сетях». И я тоже ищу хорошие материалы по своей будущей профессии. Но на русском их нет. А на английском я ничего не нашла. Ты случайно не в теме?

«Ты бы лучше спросила меня о деятельности нейротрансмиттеров в синапсах или о методе биологической обратной связи... или о том, в какой позе я люблю», – подумал Лейс и тут же прикусил губы. «Куда это меня понесло?», – одернул себя он.

– Подожди, Ева, – напечатал Лейс. – Сейчас спрошу у приятелей... Так, тебе советуют оформить подписку на eMarketer. Есть такой сайт для профессионалов в области медиа-маркетинга.

– Уже смотрю... Слушай, да это то, что надо! Передай своим друзьям от меня большое спасибо.

– Передам.

– А можно, я тоже пришло тебе приглашение в «друзья»? Мне твои посты про серфинг очень даже понравились:-).

– Yes! – громко сказал Лейс и сделал характерный жест локтём. Элен, украдкой наблюдавшая за ним, побледнела и вздрогнула.

– Да, Ева, присылай, – между тем уже увлечённо печатал Лейс. – Кстати, я и не надеялся получить от тебя приглашение.

– Ну, ты мог бы и сам прислать мне его, – весьма разумно парировала Ева. – Кстати, «7~», а почему у тебя геотаргетинг отключён?

– Приглашение поймал. «Дружбу» принял. А геотаргетинг отключен, потому что я человек закрытый. А теперь переходим в «Facebook-Чат»... Так, я тут, Ева. Ну и зачем ты искала материалы по SM? – сделал провокационную опечатку Лейс.

– Вот сейчас вообще не смешно, – немедленно ответила Ева. Лейс фыркнул («А ты, оказывается, в теме, детка») и написал:

– Прости за опечатку. Так зачем ты искала материалы по SMM?

– Потому что я очень хочу найти одного человека.

– Хочешь, давай поищем вместе? – вспоминая советы Элен, напечатал Лейс.

– Хочу! Вот страница того, кого я ищу, в Facebook и Twitter.

– Вижу. Так это же какая-то женщина... Слушай, Ева, а у тебя с ориентацией всё в порядке? – Лейс всё-таки не удержался.

– Значит так, «7~»: если ты – озабоченный идиот, то я сейчас отключаюсь. А если у тебя такие шутки дурацкие, то найди себе другой объект для развлечений!

Лейс поднял брови: так с ним не разговаривала ещё ни одна женщина. Лейс мог бы проучить Еву, но девочка была его заданием, а не приключением, бродящим на свою голову в одиночестве по ночным пляжам Шатбу.

– Всё, Ева, прости. У меня сегодня день не задался. Слушай, а ты в курсе, что заставка на странице этой женщины – это код? – написал Лейс, решив отыграть свои утерянные позиции.

– Ладно, тк и быть, прощаю, на первый раз... Что касается этой женщины – то она маркетолог, и она – один из разработчиков кода «НОРДСТРЭМ». Вот ссылка на пресс-релиз этой компании. И я очень хочу найти эту женщину.

– Зачем?

– Не могу сказать. Но она, правда, нужна мне. Очень-очень.

Лейс подумал и написал:

– Ну, я не очень силен в таких головоломках. Но я знаю, как тебе помочь. Ты говоришь, эта женщина – разработчик кода? Тогда вот тебе тест на сообразительность: что, по-твоему, является характерным признаком любого разработчика?

– Ну, не знаю... Знания архитектуры системы, наверное. Ещё ум. И опыт программирования.

– В общем и целом, это так. Но есть ещё кое-что. Просто все разработчики должны время от времени сдавать свою работу. Самый простой способ найти твоего Маркетолога – это устроиться на работу к тому, кому она подчиняется. Как я понял из пресс-релиза «НОРДСТРЭМ», эта женщина находится под началом у Дмитрия Кузнецова. Так?

– Ну да. И что? – заинтересовалась Ева.

– А то: попробуй и ты устроиться в эту компанию. Судя по сайту «НОРДСТРЭМ», этой весной в корпорацию набирают студентов. Фирма известная, и тебе придется пройти серьезный конкурсный отбор. Ты как, сама справишься, Ева?

– Да. Вернее, я думаю, что да. Я буду очень стараться.

– Не волнуйся, я тебе помогу. Для начала вот, лови шаблон резюме – лучший из тех, что я сделал (зачеркнуто) видел. Заполняй по образу и подобию и отправляй резюме в «НОРДСТРЭМ». Руку заложить готов – на собеседование они тебя вызовут.

– А – потом?

– Ну, а потом будем вместе готовиться к конкурсу. Я тебя натаскаю.

– Классно! Спасибо. А можно ещё один личный вопрос, «7~»?

– Валяй.

– Скажи, ты учёный? Или ты преподаватель?

– Кто, я?.. Да, занятные выводы. А – прости – с чего ты это взяла?

– Ну, просто ты очень умный. И...?

– Что «и...»?

– Ну, может быть, ты мне что-нибудь о себе сам расскажешь? Например, как тебя зовут, сколько тебе лет, где ты живешь, где работаешь?

– Может и расскажу. Только чуть позже, ладно? Давай сначала узнаем друг друга получше. Я, знаешь ли, не очень доверяю сетевым знакомствам. И тебе, кстати, тоже советую: в социальных сетях слишком много придурков болтается. Я недавно на одного такого наткнулся.

– Хорошо, обязательно воспользуюсь твоим советом и тоже буду аккуратнее. А можно еще один вопрос, «7~»?

– Да, но – последний. Мне поработать нужно.

– Ты спрашивал, где купить книги в Москве. Ты в Москве регулярно бываешь?

– Всё, попалась! Моя! – с удовлетворением произнёс Лейс и пристукнул кулаком по столу. Элен, сглатывая злые слёзы, уткнулась в монитор..

– Я приеду в Москву через месяц, – между тем уже печатал Лейс. – Для меня это будет в первый раз. Хочешь встретиться, Ева?

– Да. Хочу. Расскажешь мне о серфинге?

– Обязательно.

– Тогда хорошего тебе дня, друг.

Лейс удивлённо вскинул брови. «Я – друг?» – подумал он.

– Я – твой друг? – напечатал он.

– Ну да. А то, кто же :-)?

Ева отключила связь первой и, как на крыльях, полетела в МГУ. А Лейс принялся вычищать всю переписку с Евой. Он был прекрасно осведомлён, что пользователи Facebook ежедневно публикуют свыше пяти миллионов постов. Но знал Лейс и другое: у Facebook, как и у любой другой уважающей себя социальной сети, есть механизм, позволяющий просматривать и сохранять все сетевые сообщения. При необходимости или по запросу, но владельцы социальных сетей обязаны передавать такие сообщения службам национальной безопасности. У этой благой идеи есть только одно ограничение: огромное количество данных, публикуемых пользователями, существенно затрудняет процесс поиска и анализа информации. Именно поэтому не всякую беду можно предотвратить. На этом и строил свой расчет Лейс, прошедший выучку в Лахоре. При мысли о том, что завтра его будет ждать переписка с Евой, Лейс покачал головой и улыбнулся. Улыбка вышла озорной, но теплой и очень искренней. При виде этой улыбки Элен Кэтчер прикусила губу и мысленно застонала: «Как же я хочу, чтобы он вот так же улыбался мне...».

К сожалению, ровно такая же мысль двадцать четыре часа назад пришла в голову маленькой Еве.

@

1 апреля 2015 года, за неделю до похищения Евы.

Приложение «Facebook-Чат».

Пользователь «7~» – пользователю «Ева Самойлова».

– Привет, подружка. Ну и как прошло твоё собеседование в «НОРДСТРЭМ»?

– Привет, «7~». Все прошло отлично. Меня берут. Большое тебе спасибо!

– А мне-то за что? :-) Ты же сама всё сделала.

– Ну, вообще-то, мне есть, за что тебя благодарить. Я тебе многим обязана. Ведь это был твой совет завалить экзаменаторов цитатами Маркетолога. К том же это ты помог мне придумать такую речь, которая, как ты выразился, «тронет за душу Кузнецова». Скажи, «7~», а откуда ты знал, что именно это сработает? Ты сам экзамены принимаешь, да?

«Вот чёрт, а она умная», – подумал Лейс.

– Иногда принимаю, – аккуратно ответил он. – А что касается моих советов, то тут дело в практике. Просто в пятидесяти процентах случаев первичные собеседования принимает человек, не разбирающийся в твоей предметной области. На таких людей всегда производят впечатление громкие имена, даты и цифры. И если ты строишь свой ответ на фактах и цитатах

великих, то такой вот недалёковидный экзаменатор посчитает, что ты очень хорошо разбираешься в том, чего не знает он. С этим мы разобрались?

– Ага. А что касается второй половины?

– Сейчас, только на вопрос по работе отвечу... Так, я снова тут. На чём мы остановились? Ах да... Ну, ещё тридцать процентов экзаменаторов читают всё, что есть на слуху, и любят претендовать на звание интеллектуалов. Знакомые слова и имена убеждают их в том, что ты в теме. Ну, или по крайней мере, в том, что ты думаешь, как они. Это их *располагает*. Ещё десять процентов экзаменаторов пытаются компенсировать недостаток собственного образования или теоретических знаний, нахватавших информации по верхам. Поэтому имеет смысл запоминать то, что говорят они, и цитировать им их же фразы. Вот и всё, Ева.

– Нет, не всё. А как насчет остальных десяти процентов?

– А, ты заметила? Молодец. Тебе «А»¹⁰ за внимание:-). Ну, эти десять процентов – настоящие профессионалы. У таких проходить собеседование сложнее всего. Но и им свойственны человеческие слабости. Например, такие, как элементарное желание *блеснуть*. Впрочем, даже узнав об этом, с такими людьми никогда не стоит играть в игры, строя из себя то, чем ты не являешься на самом деле. Таких людей это злит. Вот поэтому глупые ассистентки (зачеркнуто) студентки и вылетают от них со скоростью звука. Я тебе ответил?

– Да. Знаешь, я очень люблю с тобой разговаривать, «7~».

– Мне тоже нравится с тобой общаться, Ева. Правда, сегодня разговор долгим не получится. Через пять минут я отключусь, извини.

– Прости, а ты... ты что, с кем-то встречаешься?

Лейс замер.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно написал он.

– Именно то, что спросила.

Лейс хмыкнул и закатил глаза. Ева была то, что Лейс называл «girl that is frankly speaking – девушка, которая всегда откровенна». И Лейс решил написать правду.

– В сети – только с тобой, – напечатал он. – А что касается моей личной жизни, то пока ни с кем. К тому же, сейчас моя голова совсем другим забита.

– Чем?

– Работой!.. Всё, прости, Ева, но сейчас мне действительно пора.

– Пока, «7~» и до завтра. Но я все еще хочу узнать твоё имя.

– Очень скоро узнаешь... Иди, тебе спать, наверное, пора? В Москве сейчас сколько времени?

– Два часа ночи.

– А ну, быстро в кровать!

– Что-что:-)? – тут же «отыграла» Ева.

– Я сказал, «спокойной ночи».

Привычно поставив в конце сообщения улыбающийся значок «etoji», Лейс закрыл «Facebook-Чат» и задумался. Ева была совсем не такой, какой он её себе представлял. У Евы была голова на плечах, характер и светлые мысли. Она доверяла ему, но шла по своему собственному пути. Ей нравилось слушать его и учиться. Но, что важнее всего, Еве было вполне по силам стать его «живым щитом», если бы Лейс «сломал» её. Но вот как раз «ломать» Еву Лейс не собирался. У него были иные способы и свой собственный план, как обыграть Симбада. То, что задумал Лейс, Андрей Исаев назвал бы идеальным «обманом Маршалла». В этой шахматной партии, сыгранной чуть более ста лет назад, ферзь – чёрный король сдался простой белой пешке и тем раскрыл оборону «белых», приговорив их к смерти. С тех пор «обманом Маршалла» называют принесение в жертву чего-то важного, чего-то очень значимого, чтобы

¹⁰ «А» – высший балл в учебных заведениях Великобритании. Прим. автора

растоптать противника. Размышляя о том, что очень скоро он сотрёт Симбада с лица земли, Лейс мельком взглянул на Элен. На носу у Элен снова красовались очки. Яркий макияж, вызывающие наряды исчезли. На их место пришел уместный в лаборатории белый халат. И ещё: на безымянном пальце Элен снова виднелся ободок обручального кольца. Настырная хищница, так долго отравлявшая Лейсу жизнь, наконец, исчезла. «Я всегда выигрывал», – без тени тщеславия подумал Лейс. Открыл на компьютере текстовый редактор «Word», помедлил и положил пальцы на клавиши. Через секунду он уже печатал свой собственный план – свой собственный «обман Маршалла».

В той шахматной партии Фрэнк Джеймс Маршалл сделал двадцать три хода, чтобы сокрушить Левицкого. План Лейса состоял всего из семи пунктов, но был не менее действенным. И строился он на том, что Симбад не смог «просчитать» Лейса. Еще бы: выросший из безвестного мальчика, будущий PhD в области генетики, Лейс Эль-Каед имел один из самых высоких коэффициентов IQ в конгрегации Оксфордского университета. IQ Лейса равнялся двумстам – так же, как и у Эйнштейна. Приятели считали Лейса гением. Они любили бокс и футбол и мечтали, чтобы их команда выигрывала. В отличие от них, Лейс никогда не был командным игроком – его учили выживать, а не выигрывать. В этот раз Лейс должен был победить противника, а не выжить. И Лейс написал:

Спрятать отца.

Найти медицинскую карту Евы.

Арендовать автомобиль, заказать key shark, поставить грузовик (~3, ~4, ~6).

Заказать коттедж в Апрелевке и мед. препараты (1~, 2~, 5~).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.